

Алексей Юрьевич Щербаков Сталин против Троцкого

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8614920
Сталин против Троцкого: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-05050-0*

Аннотация

Борьба двух советских вождей – Иосифа Сталина и Льва Троцкого – в значительной степени предопределила не только развитие нашей страны, но и мировую историю XX века. Одни видят в данном противостоянии только общественно-политическую составляющую, столкновение двух грандиозных «проектов», другие, наоборот – сводят все к борьбе конкретных людей за власть.

Троцкий – яркий публичный человек «богемного типа», блестящий оратор, любитель внешних эффектов, политик, не умевший просчитать результаты своих действий. И Сталин – внешне неэффективный, скрытный, упорный, до поры до времени избегавший публичности, просчитывавший свои действия на много шагов вперед, мастер политических комбинаций.

Что именно не поделили эти двое сильных и совершенно разных лидера? Почему их не смогла объединить даже страсть к разжиганию мирового пожара? И действительно ли в основе их противостояния лежали только амбиции и личные обиды?

Содержание

Введение	5
Часть 1. Параллельные биографии	7
Парень с грузинской глубинки	7
Сын сапожника	7
«Недоучившийся семинарист»	10
Извилистый путь в революционеры	16
«Новые помещики»	16
Хулиган Левочка	19
Противник марксизма	22
Прогулки в Сибирь и обратно	28
«И поезд мчит меня в сибирские морозы»	31
Бронштейн становится Троцким	34
Извивы революционного пути	41
Обретение призвания	41
Начало конфликта	44
Революция навсегда	46
Логика революции	49
На гребне волны	51
Террорист и политик	55
После бури	60
Первая встреча	60
Человек, работавший в России	63
От Джугашвили к Сталину	66
«Ему на север, а мне налево»	70
«Иудушка Троцкий»	70
«О краске стыда у иудушки Троцкого»	71
«И вот сижу я в Туруханском крае»[16]	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Алексей Щербаков

Сталин против Троцкого

© А. Щербаков, 2012

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

* * *

*Гвозди бы делать из этих людей. Крепче бы не было в мире
гвоздей.*

(Николай Тихонов)

Введение

Все знают фразу «политическая проститутка Троцкий». Как правило, ее приписывают Ленину или Сталину. Между тем ни тот, ни другой этой фразы никогда не говорили. Это всего лишь один из многочисленных мифов, существующих вокруг противостояния двух ярких советских вождей...

Есть такое мнение: если бы Сталин поставил к стенке Троцкого в 1927 году, то возможно, не случилось бы 1937 года. Так это или нет?

Противостояние Сталина и Троцкого в значительной степени определило дальнейшее развитие нашей страны. И дело тут не только в разных оценках деятельности этих людей или в постоянно меняющейся политической конъюнктуре. Понять ту эпоху современному человеку вообще очень непросто. Это было время титанов. Личностей такого масштаба в наши дни, пожалуй, и нет. Ни у нас, ни на Западе.

И в то же время это были все-таки люди, не боги или демоны – так что столкновение идей по грандиозной перестройке страны или даже всей планеты мешалось с амбициями и личными обидами. Вот в этом-то и сложность. Одни видят в данной истории только общественно-политическую составляющую, столкновение двух грандиозных «проектов», другие, наоборот – сводят все к борьбе конкретных людей за власть – какая порой случается и в руководстве какой-нибудь средней руки коммерческой фирмы. Но на самом-то деле одно от другого отделить невозможно. А там есть и третье, и четвертое...

Это действительно был конфликт двух сильных, совершенно различных людей. Троцкий – яркий публичный человек «богемного типа». «Звезда». Блестящий оратор, после речей которого люди с энтузиазмом шли на смерть. Импульсивный человек, который мог «на вдохновении» совершать грандиозные дела, но совершенно не способный к рутинной работе. Любитель красивых внешних эффектов, причем эта любовь заводила его очень далеко – порой Троцкий ради них действовал откровенно себе во вред. Политик, не слишком умеющий просчитать результаты своих действий. Не зря ведь из него впоследствии пытались лепить символ «революции в чистом виде». Хотя на самом-то деле это было далеко не так.

Сталин – внешне неэффективный, скрытный, упорный, до поры до времени избегавший публичности, просчитывавший свои действия на много шагов вперед. Человек, которому блестяще удавались политические комбинации. Нередко его противники понимали, что происходит, когда уже было поздно что-то менять.

Троцкий практически весь дореволюционный период своей деятельности провел в эмиграции, Сталин же работал в России. А это – совершенно разные психологии. В партии большевиков «эмигранты» и «полевые работники» откровенно друг друга недолго любили и после победы революции. Недаром в сталинской команде эмигрантов не было. При этом дореволюционная политическая биография Троцкого была весьма извилиста, Сталин же как вступил в одну партию, так в ней и оставался до конца своих дней.

Одновременно конфликт двух вождей – это и противостояние двух даже не идеологий, а мировоззрений. Идеология вторична. Дело в том, что революция во многом похожа на стихийное бедствие. Ее отнюдь не устраивают какие-либо революционные группировки или некие масоны и прочие «тайные силы». Все участники событий всего лишь пытаются направить революционный процесс в выгодное им русло. И эта стихия выдвигает на первый план очень разных людей. Одни, после того как гроза отбушевала, начинают задумываться о том, как снова налаживать на развалинах нормальную жизнь. При этом, желательно, не потеряв то положительное, что было достигнуто в результате революции. А вот другие не могут остановиться... Точнее – они просто ничего не умеют делать, кроме как разрушать.

Троцкий выступал за всемерное разжигание пожара мировой революции. Судьба России его не слишком интересовала. Сталин стремился высвободившуюся в результате революции чудовищную энергию направить в мирное русло – на развитие страны. В какой-то момент деятельность Сталина стала контрреволюцией. Так что когда троцкисты и прочие ультрареволюционеры обвиняли (и обвиняют) Сталина в том, что он «предал революцию», они совершенно правы. Недаром деятельность Сталина уже в конце двадцатых положительно оценивали наиболее дальновидные эмигранты, «империалисты», например Н. Устрялов. Коммунистическая идеология была Устрялову чужда. Но он понимал, куда ветер дует...

Но есть еще один аспект противостояния двух лидеров. Вопрос в отношении к России. Троцкий был ярко выраженным «западником», Россию он всегда считал «варварской» и «отсталой». Только Европа и США представлялись для него культурными странами. Во многом именно этим и объясняется его страсть к разжиганию мирового пожара. А если уж совсем точно – на самом-то деле Троцкого интересовала победа социализма на Западе. А все остальные... Им пришлось бы работать на передовой западный пролетариат. Так что сходство троцкизма и национал-социализма – это не выдумка сталинской пропаганды. По крайней мере левый, «штрассеровский» вариант нацизма весьма смахивает на идеи Льва Давидовича. Разница в том, что Троцкий мечтал о Соединенных Штатах Европы, а Штрассер в качестве гегемона видел исключительно Германию. Сталин же действовал в интересах прежде всего России, а по большому счету – продолжал традиции Российской империи.

В последнее время, как реакция на антисталинскую пропаганду времен «перестройки», появилось много публикаций, где Сталин выглядит «весь в белом», а Троцкий, соответственно – чуть ли не демоном с рогами и копытами. Троцкого ненавидят все. Сталинисты – понятно за что. Национал-патриоты – за то, что еврей. Либералы – за то, что он коммунист и революционер.

Часть 1. Параллельные биографии

Троцкий увидел впервые бедность и эксплуатацию из окна дома недавно разбогатевшего еврейского землевладельца, сыном которого он был. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Раковский, Радек, Луначарский, Чичерин и десятки других узнали о пороках общества, против которых они ополчились, с гораздо более далекого расстояния. Некоторые видные большевики, такие как Калинин, Томский и Шляпников, были сами рабочими; как у большинства русских рабочих, у них корни были в деревне. Но даже среди последних никто в юности так непосредственно и остро не ощутил атмосферу жизни крепостного крестьянства, как Сталин-Джугашвили.

(Исаак Дейчер, биограф Троцкого)

Парень с грузинской глубинки

Достаточно длительное время жизнь двух героев этой книги проходила, можно сказать, в разных плоскостях. Хотя они практически ровесники и, что самое главное – оба состояли в одной, весьма немногочисленной партии.

Сын сапожника

Начнем с самого начала. Существуют две даты рождения Иосифа Виссарионовича Джугашвили – 9 (21) декабря 1879 года и 6 (18) декабря 1878 года. Первая считалась «официальной» во времена сталинского СССР, вторую впоследствии установили историки по метрическим книгам. Дело в общем-то обычное для простых людей в Российской империи, а тем более – для революционеров, которым порой было выгодно «помолодеть» на год. Сталин же, став самым главным, очень не любил возни вокруг своего детства и юности. Так что как он сказал – так и считалось.

Итак, Иосиф Джугашвили родился в городе Гори Тифлисской губернии. Родом он был «из простых». Отец – Виссарион Иванович Джугашвили и мать Екатерина Георгиевна происходили из бывших крепостных крестьян. Отец трудился сапожником, а мать до замужества работала поденщицей – то есть была не просто из крестьян, а из очень бедных крестьян. Оба были грузинами. Хотя... Есть и иные версии. Существует версия о том, что они были осетинами.

«Это из тысячекилометрового российского отдаления не видно разницы между грузином и осетином, а на Кавказе, в кипящей многонациональной и многоконфессиональной каше, важен был не только народ, но даже и племя, ответвление этого народа».

(Елена Прудникова)

Если кто будет в Южной Осетии, я бы не советовал высказывать сомнения в осетинском происхождении Сталина. Не поймут. В Цхинвали и сейчас главная улица носит имя Сталина. Уже в новое время эту версию обосновали ряд ученых. Но вообще-то в партийных кругах она существовала всегда. К примеру, ее озвучил поэт Осип Мандельштам в своем знаменитом антисталинском стихотворении «Мы живем под собою не зная страны». Оно заканчивается строкой «и широкая грудь осетина». Мандельштам был вхож в круги партийной элиты – ему покровительствовал Бухарин – а как раз к моменту написания стихотворе-

ния он ввязался в конфликт со Сталиным, так что, скорее всего, в произведении Мандельштам обобщил то, что слышал в этих кругах. При этом поэт много бывал на Кавказе – так что все эти национальные заморочки были ему понятны.

Вообще-то вокруг происхождения Сталина ходило да и ходит множество дурно пахнущих сплетен. Кого только не записывали ему в отцы! Так, существует байка, что якобы мать Иосифа выдали замуж за Виссариона Джугашвили, чтобы «прикрыть грех». В качестве «доказательства» приводятся некоторые особенности в поведении последнего, о которых речь пойдет ниже. Хотя на самом-то деле поженились родители будущего вождя в 1874 году, и через положенные девять месяцев у них родился первенец Михаил, который прожил всего неделю. Других братьев и сестер у Иосифа не было. Необычно по тем временам – но бывает.

В детстве Иосиф переболел оспой, откуда на всю жизнь у него и остались рябины на лице. Но на этом неприятности не закончились.

«Вскоре смерть опять закружилась над головой ребенка: он ушиб левую руку, в суставе началось нагноение, затем заражение крови, и Екатерина не чаяла уже спасти сына, но опять жизнь победила, только рука потом всю жизнь плохо действовала. Здоровья мальчик был слабого, болел часто и много, но цеплялся за жизнь упорно, и детская смертность, которая была в то время в Российской империи тридцать процентов по первому году жизни да тридцать по второму, его в свою черную статистику не включила, отыгралась на братьях».

(Елена Прудникова)

Тем не менее, Иосиф рос нормальным ребенком, принимал активное участие в забавах сверстников. А какие могут быть забавы у детей в грузинской глубинке, где мужчина должен быть джигитом? Уж, понятное дело, подраться дети любили. Иосиф никогда не отличался особой физической силой, да и одна рука у него плохо действовала, но это ему не мешало. Он с детства имел очень сильный характер.

Между тем дома начались неприятности – и связаны они были с отцом. Вообще-то Виссарион Джугашвили был грамотным человеком, он знал три языка, мог на память цитировать целыми главами поэта Шоту Руставели. Материальное положение семьи тоже было неплохое – в сапожной мастерской отца работало двое помощников. Однако, чем дальше, тем больше Виссарион Иванович поддавался нехарактерной для кавказцев слабости – стал пьянствовать. В прямо-таки классическом варианте – шатался по кабакам, где оставлял все заработанные деньги, сутками где-то пропадал, а, заявившись домой, устраивал разборки. Поэтому семье приходилось кочевать с квартиры на квартиру – пьяниц в Гори сильно не любили. Впрочем, а где любят квартирантов, постоянно устраивающих пьяные скандалы?

Кстати, как-то раз, когда Виссарион попытался «поучить» жену, десятилетний Иосиф кинулся на отца с ножом... Горячий был парень.

«Еще одной причиной постоянных раздоров в семье было воспитание ребенка. Кеке (мать Иосифа. – *А. Ш.*) хотела для сына лучшего будущего, чем у его родителей, а самое лучшее, что могла придумать женщина из простого народа, – это видеть его священником. Она обивала пороги, уговаривала, унижалась и в конце концов сумела устроить мальчика в начальное духовное училище. Это было трудно: мало того, что в училище принимались преимущественно выходцы из духовного сословия, так еще и преподавание здесь велось на русском языке, которого не знала грузинская беднота. Но училищное начальство понимало, что если при поступлении требовать знания русского, то классы будут стоять пустыми, поэтому при училище существовало два подготовительных класса, где детей учили языку.

Но Сосо, с самого раннего детства обладавший великолепной памятью и восприимчивостью, ускорил события. Он занимался русским языком с сыном домохозяина и так преуспел в нем, что в 1888 году мальчика приняли сразу в старший подготовительный класс училища».

(Елена Прудникова)

Но отец уперся. Виссарион заявил, что, дескать, раз уж он сапожник, то сын тоже будет сапожником – и точка. Трудно понять почему, но с другой стороны, психология редко просыхающего человека – темный лес. Так или иначе – но отец увез Иосифа в Тифлис. К этому времени собственной мастерской у него уже не было – он поступил работать на мебельную фабрику Адельханова в Тифлисе. Туда же пристроил и сына. Так что в десять лет Иосиф вступил в ряды рабочего класса. Работал он на должности «подай-принеси». Условия труда рабочих в Российской империи вообще были очень тяжелые, а на подобных полукустарных фабриках и подавно. Вкалывать приходилось от зари до зари, в душном цехе. У Иосифа стал развиваться туберкулез. Как это не покажется странным, эта болезнь была очень распространена в Закавказье, несмотря на хороший климат. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут в Тифлис нагрянула мать, буквально вырвала Иосифа с фабрики и собралась везти его обратно в Гори. Отец заявил сыну:

– Выбери. Или ты остаешься со мной, или едешь с ней, но тогда я знать тебя больше не желаю!

Иосиф выбрал Гори. Отец прекратил всякую помощь семье, матери снова пришлось идти на поденную работу. Екатерина Георгиевна говорила всем, что ее муж умер. Как для нее, так и для Иосифа он перестал существовать. Когда спустя много лет к Сталину обратились сотрудники музея в Гори с просьбой опознать фотографию отца, то он просто не ответил...

Виссарион же продолжал катиться по наклонной, окончательно спился, шатался по ночлежкам – и в конце концов умер от цирроза печени. Понятно, почему впоследствии Сталин запретил изучать ранние годы своей жизни.

«...И вот после ада тифлисской мебельной фабрики снова Гори, свежий воздух, горы, жаркое лето и промозглая зима. Жили они с матерью в крохотной комнатке, дверь открывалась прямо во двор. Крыша текла, в доме было холодно, да и голодно тоже. Сосо (Иосиф. – *А. Ш.*) вернулся в училище, но вскоре над его будущим снова нависла угроза. Как ни мала была плата за обучение – всего-то 25 рублей в год, но и она была не под силу бедной поденщице. И снова Кеке обивает пороги, снова унижается перед богатыми попечителями. Настойчивость матери и еще в большей степени огромные способности мальчика принесли свои плоды: его не только освободили от платы за обучение, но даже назначили небольшое пособие: три рубля в месяц. А когда мальчик подрос, и стало ясно, что он обещает стать украшением училища, пособие увеличили до семи рублей – а вдруг мать передумает и заберет его, отправит на работу? Но Кеке и не думала менять своего решения. Сосо должен был стать священником, и он станет священником, на этот счет у суровой матери Иосифа не было никаких сомнений».

(Елена Прудникова)

А способности у Иосифа и в самом деле были незаурядные. Уже тогда проявились его феноменальная память и умение концентрировать внимание. Ему даже не требовалось учить уроки – он запоминал, что говорил учитель. При этом его отличала исключительная добросовестность. Не шалил, не прогуливал, а упорно грыз гранит науки. Вообще, в этом юный

Джугашвили похож на другого великого диктатора – Наполеона Бонапарта. Тот, правда, был не из народа, а из незнатных дворян, но материальное положение его семьи было очень плохим. И юный Наполеон, тоже обладавший исключительными способностями, также упорно учился. Что понятно. Это для выходцев из благополучных семей учеба была досадной «обязаловкой», а эти ребята понимали простую истину: «Ученье свет, а неученье – чуть свет и на работу».

«Сын глубоко верующей матери, он и сам был очень набожен, никогда не пропускал служб, неукоснительно выполнял церковные правила и следил, чтобы их выполняли другие. Он очень любил петь, легко выучил ноты и вскоре уже помогал регенту училищного хора, иной раз заменяя его. Как лучший чтец в училище, Сосо обучал других чтению псалмов, был главным чтецом и певчим на торжественных молебнах. Первые зерна сомнения заронил в его душу Дарвин. Однажды он сказал одному из товарищей: „Знаешь, нас обманывают, Бога не существует. Прочти-ка эту книгу...“ – и дал ему Дарвина. Для неискушенного детского ума книга стала непреодолимым соблазном – попробуй-ка совместить теорию происхождения видов и школьный урок Закона Божия. Правда, рассказывают, что, когда король спросил Дарвина, где первое звено его цепочки, великий ученый ответил: „Оно приковано к престолу Всевышнего“. Но этого, естественно, в российских переводах конца XIX века не писали, так называемое просвещенное общество больше любого просвещения было озабочено тем, чтобы привить тем, кого оно просвещало, собственные убого-материалистические представления о мире».

(Елена Прудникова)

В 1894 году произошло событие, которое любители альтернативной истории называют «точкой бифуркации», то есть исторической развилкой, когда история могла пойти по одному пути, а могла и по другому. А дело в том, что один из учителей Иосифа перевелся в Тифлисскую учительскую семинарию. Пусть вас не вводит в заблуждение название, это было чисто светское учебное заведение. В нем готовили учителей начальной школы. Там преподавались: закон Божий, русский язык, церковнославянский язык, арифметика, геометрия, русская и всеобщая история, география, естествознание, чистописание и рисование, основы педагогики, гимнастика, пение. То есть набор знаний, необходимый для тогдашнего учителя.

Так вот, учитель Гогличидзе предложил матери Иосифа устроить того в это заведение за казенный счет. Но Екатерина Георгиевна отказалась – она считала, что ее сын должен стать именно священником.

А если бы Иосиф Джугашвили туда поступил? Вряд ли, конечно, он проработал бы всю жизнь скромным сельским учителем. Не тот был человек. Но... В мире есть много дорог. Но вышло так, как оно вышло. В 1894 году Иосиф окончил училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Историческая развилка была пройдена.

«Недоучившийся семинарист»

Бытует мнение, что Иосиф Джугашвили мог бы стать выдающимся священником – кем-то вроде Иоанна Кронштадтского. Так вот – в данное время и в данном месте – не мог бы. Никак. Духовные семинарии в Российской империи того времени были очень интересными заведениями. По количеству революционеров, вышедших из их стен, они соперничают с университетами. Да и в самих заведениях было весело.

«Еще задолго до поступления Джугашвили в семинарию это учебное заведение потряс скандал. Семинарист Сильвестр Джибладзе ударил ректора Чудетского за то, что тот назвал грузинский язык „языком для собак“. На следующий год другой бывший ученик, исключенный из семинарии, убил Чудетского. Пока Сосо учился в Гори (в 1890 и 1893 годы), в семинарии произошли две стачки, каждая из которых длилась неделю. Семинаристы требовали прекращения обысков и слежки, а также увольнения наиболее жестоких представителей администрации. После стачки 1893 года 83 семинариста были исключены из семинарии, а 23 из них были высланы из Тифлиса».

(Юрий Емельянов)

Тифлисская семинария не была чем-то выдающимся в этом смысле. Примерно то же самое происходило и в других духовных учебных заведениях. Так, в Полтавской семинарии обучались такие интересные люди, как Симон Петлюра и Георгий Гапон. А почему?

Тут стоит немного отвлечься и посмотреть на то, что вообще представляла из себя Православная Церковь в то время.

Как известно, Петр I упразднил Патриарший престол. Руководство Церковью перешло к Священному Синоду. То есть, по сути – к министерству. Это значит, что Церковь стала частью государственной машины. А священники и архиереи соответственно – государственными чиновниками. А что требуется от чиновника? Прежде всего – лояльность. При этом если одни священники честно выполняли свой долг, то другие попросту отработывали положенное. Известно много случаев, когда люди становились лютыми безбожниками, потому что у них, к примеру, не хватало денег на то, чтобы оплатить отпевание умершего родственника. А бесплатно священники это делать отказывались. Кстати, цены на требы требовались немалые.

«Чтобы понять, о каких суммах идет речь, приведу минимальные расценки на требы (а они были обязательны для всех православных!) в начале XX века: 50 копеек стоили крестины, 3 рубля – похороны и 5 рублей брали за венчание и кружечно-кошельковый доход Священного Синода 1902 года, который составил более 6 млн рублей».

(Дмитрий Покров, журналист)

Для крестьянина, который зарабатывал 20–25 рублей **в год**, – это были серьезные деньги.

Стоит упомянуть и о церковном имуществе. Вообще-то в конце XIX века Церковь собственностью практически не владела. Все принадлежало священному Синоду, то есть государству. Исключение составляли лишь храмы, возведенные кем-то за свой счет, и имущество зарубежных приходов. (В последнем случае – потому что законы многих стран не приветствовали наличие на своей территории собственности других государств.) Но!

«Государство взяло на себя обязанность выделять каждому причту (трудовой коллектив при церкви, включающий священнослужителей и церковных служителей) от 40 до 140 га земли в зависимости от местности, а каждому монастырю от 140 и более гектаров. Кстати, монастырям к тому же отдавалось минимум по одной мельнице из казенного владения (если была таковая возможность) и место рыбного промысла, а причтам полагалось финансирование из государственного бюджета (в 1902 году, например, на это было отпущено 10,5 млн рублей).

Кроме того, церковь владела и зданиями не только в виде храмов, но и строениями под склады, гостиницы и даже меблированные комнаты. То есть духовенство занималось наживой на ренте и аренде.

Вообще, царская Россия кроме выплаты жалований оказывала и другие финансовые поддержки РПЦ. Так через ведомство Святейшего Синода в 1910 году прошло 34 195 217 рублей, которые, кроме зарплаты духовенству, пошли на поддержку монастырей, изготовление церковных орденов и на другие сопутствующие православной жизни расходы. Добавляем к этому различные сборы с паствы, типа уже упомянутых кружечных сборов, различных пожертвований, а также доходы с имений и оброков. Эти статьи ежегодно приносили церкви около 40 млн рублей. Еще одной доходной статьей у РПЦ были проценты с капиталов, размещенных в ценных бумагах, которые, например, в 1906 году составили около 2,5 млн рублей чистой прибыли».

(Дмитрий Покров)

Разумеется, жировали далеко не все священники. Многие, особенно в глухих приходах, откровенно бедствовали. Но что прежде всего бросается в глаза? Русский народ относился к Церкви без особого почтения. Простой пример, почерпнутый, кстати, из православного журнала «Фома». В Российской империи посещение церкви было обязательным. После Февральской революции обязательку отменили. Так вот, посещаемость церковью солдатами мгновенно упала в 10 раз!

Но вернемся к семинариям. Надо сказать, что учили там неплохо. Так что представители интеллигенции, фыркающие на Сталина, дескать, он «недоучившийся семинарист», делают это зря.

«Какие предметы изучали в семинарии будущие священники? Разумеется, Священное Писание, историю Церкви. „Специальные“ предметы: церковно-славянское пение, грузинско-имеретинское пение, основы богословия, гомилетику, то есть искусство церковной проповеди, литургику, дидактику. Языки: русский, грузинский, древние (как минимум греческий и церковно-славянский). Словесность, гражданскую историю, математику, физику, логику, психологию – неплохой набор!»

(Елена Прудникова)

Кстати, стоит обратить внимание на гомилетику. Эта дисциплина Джугашвили впоследствии очень пригодится в жизни...

А вот представьте теперь молодых и неглупых ребят, которые всерьез изучают христианство и видят, мягко говоря, некоторое несоответствие христианского учения и церковной практики. Соответственно, кое у кого начинают возникать вопросы. А наиболее горячие их даже начинают задавать... А какой ответ они получали? «Заткнись и не рассуждай».

Впоследствии в беседе с писателем Эмилем Людвигом Сталин так отозвался о семинарских порядках: «Основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство... Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики...»

Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения».

Что удивляться, что семинаристы начали искать альтернативу. В семинарии было строго запрещено читать светские книги. А значит... К ним семинаристы испытывали повы-

шенный интерес. В Тифлисе существовала народная «Дешевая библиотека», куда учащиеся набили тропу.

Что касается Иосифа, то первое время он старался вести себя примерно. Однако через какое-то время он присоединился к «протестантам».

В ноябре 1896 года в кондуитном журнале семинарии, куда заносились проступки учащихся, записано: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из Дешевой библиотеки, книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго „Труженики моря“, где нашел и названный лист». И резолюция: «Наказать продолжительным карцером».

В марте 1897 года: «Отобрана у Джугашвили Иосифа книга „Литературное развитие народных рас“ Летурно».

1898 год: «Ученик Джугашвили вообще не почтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции. Помощник инспектора А. Ржавенский». Резолюция: «Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению отца Ректора на пять часов».

«Их заставляли за чтением неположенных книг, изымали литературу, записывали в кондуит, сажали в карцер – все тщетно! Чтение занимало у Иосифа все свободное и значительную часть несвободного времени. Успеваемость его начала снижаться, участились записи в кондуитном журнале о том, что он читал неположенную литературу. Его записывали в кондуит, лишали права выходить в город, сажали в карцер – все тщетно, от этого запретный плод становился только слаще и слаще. Этот юноша был не из тех, кого можно сломить подобными наказаниями, – его не смогли сломить и куда более суровые испытания. Он был не то что упорным... в русском языке существует слово „упертый“ – оно точнее.

В своем стремлении к знаниям Иосиф был не одинок. В то время в семинарии существовал ученический кружок, руководимый Сеидом Девдориани, в который осенью 1896 года вступил и Иосиф. Впрочем, изучали они вещи совершенно невинные – художественную литературу и книги по естественным наукам, все разрешенное цензурой, никакой нелегальщины. Но запреты и преследования отцов-наставников даже романам Гюго придавали пряный заговорщицкий привкус».

(Елена Прудникова)

Читал Джугашвили много и очень быстро. Он прочитывал от 300 до 500 страниц в день. Если же учесть его феноменальную память... Такой вот получается «недоучившийся семинарист».

В семинарии Иосиф Джугашвили начал писать стихи. То есть, может, он сочинял их и раньше. Но первые его известные поэтические опыты относятся именно к этому периоду. После первого курса Иосиф попробовал опубликовать свои стихи, для чего отправился в газету «Иверия». Обычно начинающих стихотворцев в периодических изданиях встречали разве что не дубиной, поскольку их всегда и всюду было очень много. Тем более что «Иверия» была далеко не последним изданием в Тифлисе. Но редактор газеты Илья Чавчавадзе лично принял Иосифа и отобрал для публикации пять его произведений.

О том, что стихи были высокого уровня, говорит то, что в 1901 году одно из стихотворений Иосифа Джугашвили было включено в пособие по грузинской словесности, составленное М. Келенджеридзе, видным популяризатором грузинской культуры. В 1907 году другое стихотворение из подписанных псевдонимом «Сосело» было приведено в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности».

Однако поэтом Иосиф не стал. Его несло совсем в иную сторону. Как мы видели, в семинарии сложился кружок любителей чтения. А за чтение администрация семинаристов преследовала. В подобных случаях всегда члены таких кружков начинают изучать все более «крутую» литературу. А в то время такой путь совершенно неизбежно приводил к нелегальным изданиям и к революционным идеям.

«...Скоро Иосиф стал, наравне с Сеидом Девдориани, одним из лидеров ученического кружка. Семинаристы по-прежнему изучали художественную литературу и книги по естественным наукам, но постепенно в поле их зрения стали попадать и науки общественные. В сочетании с крамольным духом, которым была исполнена семинария, это привело к тому, что кружок разделился. Часть его членов, и Сеид в том числе, придерживалась прежнего направления, а другая половина все меньше интересовалась романами Гюго, физикой и биологией и все больше – политэкономией, социологией и прочими науками об обществе. Лидером этой группы естественным образом стал Сосо. Но самостоятельно разобраться в хитросплетениях общественных наук юные семинаристы были не в состоянии. Срочно требовался наставник – и он не замедлил появиться.

В числе старых, еще горийских друзей Иосифа были братья Кецховели – Ладо и Ваню. Семья, что называется, „с традициями“ – старший брат Николай и его жена были связаны с народниками, младшие же братья пошли дальше, явно склоняясь к нарождающейся социал-демократии. Исключенный из Тифлисской семинарии после забастовки 1883 года, Ладо поступил в Киевскую семинарию, однако своих вольнодумных привычек не оставил, и вскоре у него на квартире была обнаружена нелегальная литература. Ладо повезло: объявленная в 1896 году по случаю коронации Николая Второго амнистия избавила его от преследований полиции. Однако из семинарии юного вольнодумца выгнали, и он снова вернулся в Тифлис, где устроился корректором в типографию, предвидя, что скоро знакомство в области книгопечатания и опыт работы очень и очень пригодятся. Осенью того же года, к вящей радости Сосо, Ладо взял на себя руководство их ученическим кружком».

(Елена Прудникова)

В итоге члены кружка стали считать себя марксистами. Хотя Маркса они и не читали. Но это было достаточно распространенным явлением в то время. Как мы увидим дальше, Троцкий начал революционную деятельность с еще меньшим объемом знаний в данной области.

Вообще-то увлечение марксизмом, причем, чаще всего именно в пересказах, было тогда очень распространено. С одной стороны, это было неким признаком «продвинутости». С другой – казалось, что это учение выводит на дорогу, ведущую в царство всеобщей справедливости. Иосифа Джугашвили интересовало, скорее, второе. О справедливости он мечтал с детства. Так, еще в совсем маленьком возрасте Иосиф хотел стать писарем, чтобы помогать людям грамотно писать прошения. Марксизм же дал этому стремлению к справедливости конкретное направление.

Мотивацию Иосифа подтверждают его дальнейшие действия. Он не занимался болтовней в своей среде. Довольно быстро Джугашвили нашел единомышленников вне стен семинарии. В начале 1898 года он познакомился с кружком железнодорожных рабочих, которые занимались тем же самым – изучали марксистскую литературу. Они оценили семинариста,

хотя вообще-то рабочие к представителям иной среды относились с большим недоверием. Одновременно Джугашвили и сам учился, превращаясь из «марксиста» в человека, который всерьез разбирается в этом учении. Из Иосифа получился неплохой пропагандист – он умел четко и понятно объяснять сложные вещи. Вскоре Иосиф стал вести уже собственный кружок, состоящий из русских молодых железнодорожников. Оставалось дело за малым – вступить в революционную организацию. Что Иосиф и сделал, в том же году став членом РСДРП.

Кстати, а почему рабочие вообще слушали революционеров? Сегодня многие любят поговорить о всяких-разных врагах России, финансировавших революционное движение. Но на самом-то деле растущая популярность социал-демократов была связана прежде всего с тем, что жизнь у рабочих была хреновая. Им хотелось жить лучше, а любые попытки борьбы за свои **экономические** права власть расценивала как «подрыв устоев»¹. Так что у рабочих просто не было иного выхода.

Эти занятия никак не сочетались с учебой в семинарии. Времени не хватало, да и, скорее всего, продолжать учебу Иосиф уже не видел смысла. В самом деле, а зачем? Священником он становиться уже явно не собирался. Другая возможность, которую предоставляла семинария, – поступление после ее окончания в университет – ему все одно не «светила» – обучение в университетах было платным. Так что Джугашвили учился все хуже и хуже. В конце концов просто плюнул – так и не став сдавать экзамены за пятый курс. В 1899 году он был из этого учебного заведения исключен. Началась иная жизнь.

¹ Подробно о «рабочем вопросе» смотрите в книге: *Алексей Щербаков. 1905 год. Прелюдия катастрофы.* М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

Извилистый путь в революционеры

Пора перейти ко второму герою этой книги. Его дорога в революционеры была куда более интересной, нежели у Иосифа Джугашвили.

«Новые помещики»

Интересна уже дата рождения будущего «демона революции». Лейба Давидович Бронштейн (Троцкий) родился 25 октября (7 ноября) 1879 года. То есть ровно за 38 лет до Октябрьского переворота, в котором он сыграл столь важную роль. Вот уж раздолье для любителей всяких паранаучных теорий...

Итак, Лейба Давидович родился в деревне Яновка Херсонской губернии в еврейской семье. Однако семья эта была не совсем обычной. Как известно, большинство российских евреев жили в «черте оседлости» в населенных пунктах, называвшихся «местечками». Нравы там были интересными – огромную роль играли традиции, а заправляли делами раввины, власть которых была очень сильна. Еврейский просветитель И. Г. Оршанский писал: «Всякому, знакомому с еврейским бытом, известно, что староеврейский строй жизни, с его средневековыми учреждениями, религиозной обрядностью и фанатизмом, держится на силе консервативного, фанатического общественного мнения еврейского населения этих городов и местечек. Личная свобода, личная мысль здесь совершенно задавлена деспотизмом общины, которая следит зорким оком за тем, чтобы никто из ее членов не отступил от завета отцов ни на один волос; и горе тому, кто будет замечен в измене вере своих предков или хоть малейшему обычаю, освященному временем!»

На все, что творилось вокруг, жители местечек не обращали внимания. Не зря ведь в русский язык пришло слово «местечковый», означающее заикленность на местных интересах.

Мало того, в еврейских общинах (кагалах) было принято поддерживать своих неимущих соплеменников. В конце XIX века от 25 до 38 % российских евреев жили за счет благотворительности наиболее состоятельной части общины.

Эти реалии нравились далеко не всем – дескать, а чего это я должен кормить нищету? Многие стремились любыми способами вырваться из таких вот замкнутых мирков. Среди них был и успешный коммерсант Давид Лонтьевич Бронштейн. Летом 1879 года он купил 100 и арендовал 200 десятин (гектаров) земли у разорившегося помещика полковника Яновского. Таких людей называли «арендаторами».

«Звалась она (деревня. – А. Щ.) Яновкою – по имени помещика Яновского, у которого была куплена земля. Старик Яновский вышел в полковники из рядовых, попал к начальству в милость при Александре II и получил на выбор 500 десятин в еще не заселенных степях Херсонской губернии. Он построил в степи землянку, крытую соломой, и такие же незамысловатые надворные строения. С хозяйством у него, однако, не пошло. После смерти полковника семья его поселилась в Полтаве. Отец купил у Яновского свыше 100 десятин да десятин 200 держал в аренде. Полковницу, сухонькую старушку, помню твердо: она приезжала не то раз, не то дважды в год получать арендную плату за землю и поглядеть, все ли на месте. За ней посылали лошадей на вокзал и к подъезду выносили стул, чтобы легче было ей сойти с рессорного фургона. Фазтон у отца появился лишь позже, когда завелись и выездные жеребцы. Старушке полковнице варили бульон из курицы и яички всмятку. Гуляя с сестрой моей по

саду, полковница отдирала сухонькими ноготками со стволов застывшую древесную смолу и уверяла, что это самое лучшее лакомство».

(Л. Д. Троцкий)

По сути, арендаторы пришли на место разорившихся дворян. Вот как Троцкий описывал знакомых отца, семью дворян Гертопановых: «Когда-то вся округа принадлежала этой семье. Теперь у стариков остались 400 десятин, но они заложены и перезаложены. Мой отец снимает эту землю, а арендные деньги идут в банк. Тимофей Исаевич жил тем, что писал крестьянам прошения, жалобы и письма. Приезжая к нам, он прятал в рукав табак и сахар. Так же поступала и жена его. Брызгаясь слюною, она рассказывала о своей юности, о рабнях, роялях, шелках и духах. Два сына их выросли почти неграмотными. Младший, Виктор, был учеником у нас в мастерской».

Стоит отметить, что Новороссия, то есть Причерноморье и Приазовье, сильно отличалась от центральной России. В последнем случае были распространены «вишневые сады», то есть помещичьи хозяйства, не дававшие дохода, а то и вовсе убыточные – да еще и заложженные. И параллельно общинное крестьянское землевладение с мельчайшими наделами, которые с трудом кормили сами себя.

А вот в Новороссии существовали крупные сельскохозяйственные предприятия, производившие зерно на продажу. Именно они-то и «кормили Европу». Владели такими хозяйствами как традиционные помещики, сумевшие-таки перестроиться после отмены крепостного права, так и иные люди – немцы-колонисты и «арендаторы».

«Особую группу составляли немцы-колонисты. Среди них были прямо богачи... Дома у них были из кирпича под зеленой и красной железной крышей, лошади породистые, сбруя исправная, рессорные повозки так и назывались немецкими фургонами... Над ними высилась фигура Фальцфейна, овечьего короля... Тянутся бесчисленные стада. – Чьи овцы? – Фальцфейна. Едут чумаки, везут сено, солому, полу. – Кому? Фальцфейну... Имя Фальцфейна звучало как топот десятков тысяч овечьих копыт, как бляенье бесчисленных овечьих голосов, как крик и свист степных чабанов с длинными гирлыгами за спиной, как лай бесчисленных овчарок. Сама степь выдыхала это имя в зной и в лютые морозы».

(Л. Д. Троцкий)

Методы труда тут были тоже совсем не патриархальные.

Вот как описывал хозяйство своего отца Троцкий в книге «Моя жизнь»: «На пригорке у пруда стояла мельница. Дощатый барак укрывал десятипаровую паровую машину и два постава... Мельница работала не только для экономии, но и на всю округу. Крестьяне привозили зерно за 10–15 верст и платили за помол десятой мерой».

Заметим, что для центральной России паровая машина была большой редкостью. А ведь Давид Бронштейн был далеко не сверхбогатым магнатом – скорее средненьким хозяином по меркам тех мест. Имелись в южноукраинских степях господа и побогаче.

А вот как был организован трудовой процесс:

«... Постоянных рабочих, не покидавших экономии круглый год, было немного. Главную массу, исчислявшуюся сотнями в годы больших посевов, составляли срочные рабочие – киевцы, черниговцы, полтавцы, которых нанимали до Покрова, то есть до первого октября... Были косари, которые приходили в Яновку лет десять подряд... Иные являлись во главе целого семейного выводка. Шли из своих губерний пешком, целый месяц, питаясь краюхами хлеба, ночуя на базарах.

За четыре летних месяца косари получали 40–50 рублей на хозяйских харчах, женщины 20–30 рублей. Жильем служило чистое поле, в дождливую погоду – стога. На обед – постный борщ и каша, на ужин – пшенная похлебка. Мяса не давали вовсе, жиры отпускались только растительные и в скудном количестве. На этой почве начиналось иногда брожение. Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого молока, или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней».

(Л. Д. Троцкий)

Тут стоит кое-что пояснить. «Питаясь краюхами хлеба» – это был в Российской империи всем понятный термин «идти за кусочками».

Означал он то, что когда у крестьян заканчивалась еда, то они шли побираться. При этом они не были профессиональными нищими. Последние-то были хорошо организованы, занимали церковные паперти и прочие доходные места, ориентировались на представителей зажиточных слоев – и отнюдь не на краюху хлеба. «За кусочками» шли голодающие крестьяне – и просили у своих. Вот так жили в «России, которую мы потеряли».

Справедливости ради стоит сказать, что Давид Бронштейн не являлся каким-то «жидом-кровопийцей» из антисемитской мифологии. Такие же условия труда были у всех землевладельцев – русских, украинцев, евреев и немцев-колонистов. Иначе и быть не могло. В другом случае все батраки ушли бы туда, где платят лучше. За попытку повысить плату рабочим такого могли и убить. Были случаи.

Сельхозпредприятие Давида Бронштейна было «заточено» под экспорт зерна.

«Появляются скупщики с медными сосудами и весами в аккуратных лакированных ящиках. Они делают пробу зерну, предлагают цену и суют задаток. Их принимают вежливо, угощают чаем и сдобными сухарями, но зерна им не продают. Они мелко плавают. Хозяин уже перерос эти пути торговли. У него свой комиссионер, в Николаеве. „Хай ще полежит, – отвечал отец, – зерно есть не просит“. Через неделю получалось письмо из Николаева, а иногда и телеграмма: цена повысилась на пять копеек с пуда. „Вот и нашли тысячу карбованцев, – говорил хозяин, – они не валяются“. Но бывало и наоборот: цены падали. Таинственные силы мирового рынка находили себе пути и в Яновку. Возвращаясь из Николаева, отец сумрачно говорил: „Кажуть, что... как ее звать... Аргентина много хлеба выкинула на сей год“.

Жизнь здесь регулировалась исключительно ритмом земледельческого труда. Все остальное казалось безразличным. Все остальное, **кроме цен на мировой бирже** (выделено мной. – А. Щ.) зерна».

(Л. Д. Троцкий)

Если же перейти от экономики к образу жизни семьи Бронштейнов, то он был интересным. «Живя вдали от городов, на своей аренде, мельнице, корчме и тому подобное, украинский еврей мало-помалу эмансипировался из-под влияния раввинов и общины, которые прежде держали его в ежовых рукавицах, особенно во всем, что касалось религии...»

(И. Г. Оршанский)

Вообще-то Давид Бронштейн явно делал минимум того, что было положено, дабы не угодить в «гой». Например, Лейба не ходил в хедер – традиционную школу при синагоге. Но осваивать азы грамотности он был послан все-таки в школу в еврейской колонии.

«Мать закончила при мне деловой разговор: за столько-то рублей и столько-то пудов муки учитель обязывался в своей школе, в колонии, учить меня русскому языку, арифметике и библии на древнееврейском языке. Объем науки определялся, впрочем, смутно, так как в этой области мать не была сильна».

(Л. Д. Троцкий)

Но традиционный образ жизни евреев был Давиду Бронштейну не интересен. Так, в семье говорили не на идиш, на русском (точнее – на «суржике» – распространенной в тех местах смеси русского и украинского). Лейба идиш вообще не знал. Кстати, он сам называл этот язык «жаргоном».

Да и вообще. Троцкий в начале книги «Моя жизнь» подчеркивает, что он, дескать, не из помещиков. Но как-то сбивается на стиль дворянских мемуаров. Местами можно подумать – фамилия автора не Бронштейн, а Голицын или Оболенский.

«Бронштейны стремились поддерживать в семье стиль жизни, резко отличавшийся от быта украинских и русских крестьян или евреев-колонистов Громоклеи (ближайший крупный населенный пункт. – *А. Ш.*). Дети находились под присмотром нянь. Их обучали музыке. В доме было немало русских книг и журналов. Мать Троцкого, Анна Бронштейн, родом из Одессы, любила читать художественные произведения и привила детям любовь к чтению. Как и во многих помещичьих семьях того времени дети пробовали сами писать. Лейба писал стихи и даже попытался издать домашний журнал».

(Юрий Емельянов)

Что же касается взглядов, принятых в семье Бронштейнов, то они были вполне лояльны к существующему строю. Разные ограничения, существовавшие в Российской империи для евреев, их не слишком волновали. Одним из самых неприятных ограничений была процентная норма для «лиц иудейского веросповедания» (а не евреев по национальности) при поступлении в учебные заведения. Но в Одессе эти правила не соблюдались. Так что, когда настала пора послать Лейбу учиться, никаких проблем не возникло. Давид Бронштейн полагал, что «царской власти еще на двести лет хватит», – и был вполне этим доволен. Чем плоха стабильность для зерноторговца?

Хулиган Левочка

В 1888 году Лейба Бронштейн переехал в Одессу и поступил в реальное училище. Точнее, в подготовительный класс этого училища.

«Реальное училище св. Павла по происхождению своему было немецким учебным заведением. Оно возникло при лютеранской церковной общине и обслуживало многочисленных немцев Одессы и южного округа».

(Л. Д. Троцкий)

Однако на самом-то деле к моменту поступления туда Лейбы училище стало уже вполне интернациональным. Так, религиозные дисциплины преподавались «по конфессиям». Преподавание шло на русском языке. Единственное, что осталось, – так это повышенное внимание к немецкому языку – в итоге Бронштейн с детства знал его в совершенстве.

Жил же Лейба у племянника матери – Моисея Филипповича Шпенцера. По роду занятий это человек являлся, как тогда говорили, литератором. То есть занимался различной околотературной халтурой. По словам Троцкого, «делал переводы греческих трагедий с примечаниями, писал рассказы для детей». Впоследствии, правда, он каким-то образом разбогател и стал владельцем преуспевающего издательства. Но в описываемый период он являлся типичным представителем «творческой интеллигенции». Кстати, Шпенцер был отцом известной советской поэтессы, лауреата Сталинской премии, Веры Инбер (она родилась в 1890 году). Вот как интересно жизнь закручивается.

Чета Шпенцер начала учить приехавшего из глухой провинции мальчика уму-разуму.

«Мне шаг за шагом объясняли, что нужно здороваться по утрам, содержать опрятно руки и ногти, не есть с ножа, никогда не опаздывать, благодарить прислугу, когда она подает, и не отзываться о людях дурно за их спиной. Я узнавал, что десятки слов, которые в деревне казались непререкаемыми, суть не русские слова, а испорченные украинские. Каждый день предо мной открывалась частица более культурной среды, чем та, в которой я провел первые девять лет своей жизни... Я становился маленьким горожанином».

(Л. Д. Троцкий)

Разумеется, вместе с городской культурой Лейба усваивал и определенные взгляды на жизнь, принятые в среде, в которой он оказался. А что такое «творческая интеллигенция» того времени? Она была насквозь оппозиционна. Каких-то определенных идей у этих ребят, как правило, не было – но критиковать и высмеивать любые действия властей считалось в этой среде хорошим тоном.

И вот пошла учеба.

«Я рано вставал, торопливо пил свой утренний чай, запихивал в карман пальто завернутый в бумажку завтрак и бежал в школу, чтобы успеть к утренней молитве. Я не опаздывал. Я спокойно сидел за партой. Я прилежно готовил дома свои уроки. Я ложился спать в положенный час, чтобы на другое утро торопливо пить свой чай и снова бежать в школу под страхом опоздать к утренней молитве. Я аккуратно переходил из класса в класс... Я совсем мало жил жизнью улицы, площади, спорта и развлечений на открытом воздухе... Многие из мальчиков катались на море в лодке, ловили с волнореза рыбу на уд. Я этих удовольствий совершенно не знал. Станным образом море в этот период вообще не занимало в моей жизни никакого места, хотя на берегу его я прожил семь лет».

(Л. Д. Троцкий)

Не стоит думать, что Лейба Бронштейн был убежденным «ботаником». Он вполне понимал важность физического развития. Но... у Лейбы обнаружилось нервное заболевание, которое точно так и не смогли определить, хотя этим уже при СССР занимались лучшие врачи. Одни полагали, что это эпилепсия, другие называли иные диагнозы. Суть же в том, что при сильном физическом или нервном напряжении у Бронштейна случались приступы. Сам Троцкий описывал эту болезнь как «склонность к обморокам при физической боли или недомогании». Так что с физкультурой приходилось быть осторожнее.

Учился Бронштейн хорошо и старательно – он быстро выбился в первые ученики. Кстати, Иосиф Джугашвили в училище тоже был первым учеником. Надо сказать, что в учебных заведениях Российской империи термин «первый ученик» не был субъективно-оценочным. Каждый месяц преподаватели выводили средний балл учеников, включая оценки за «поведение» и «прилежание». Так что это был объективный факт.

Так продолжалось до второго класса. (Второй класс реального училища примерно соответствует современному пятому.) И тут случился конфликт. Ученики по какой-то причине обиделись на преподавателя французского языка. Они решили устроить «кошачий концерт» – довольно распространенную выходку среди гимназистов и реалистов. Суть ее в том, что, как только учитель отворачивался, ученики начинали мычать, не разжимая рта. Он обращался – все замолкали. И так по кругу... Лейба был одним из организаторов.

Разумеется, вскоре началось расследование. Репрессии обрушились на группу ребят, известных своими проделками. На первого ученика никто и не подумал. Но кто-то из учеников его заложил – обидно стало, видимо. Следом всплыли и более серьезные дела – Лейба предлагал написать на учителя анонимку – дабы его выгнали из школы. В итоге Бронштейна самого вышибли из училища. Правда, с правом вернуться на следующий год.

Итак, первый «конфликт с системой» будущего революционного вождя являлся обыкновенным детским хулиганством. Я уже упоминал, что дети из обеспеченных семей нередко воспринимают учебу как непонятно зачем нужную каторгу. А вы в двенадцать лет понимали – на фига вам зубрить математику и физику? Вот и тогда школьники не понимали. Велели учиться – ребята и учились.

На следующий год Лейба продолжил учебу – и более в конфликты не встревал.

Характерно, что Шпенцеры отнеслись к выходке Лейбы, в общем, с одобрением. Между тем они и их окружение продолжали образовывать Лейбу. Они приучали Бронштейна к чтению художественной литературы – как русской, так и зарубежной. И ведь приучили.

«В своих статьях и выступлениях Троцкий не раз обращался к образам русской классики, особенно часто используя произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Помимо известных произведений классиков русской литературы, к которым было принято прибегать в политической риторике, Троцкий нередко использовал и не столь часто цитируемые литературные сочинения (например, пьесу А. Н. Островского „Василиса Мелентьева“). Что же касается ведущих критиков и публицистов России XIX века, то Троцкий не только перечислял их имена, но и давал развернутые оценки взглядов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Во время ссылки Троцкий написал немало очерков, посвященных различным писателям России и стран Запада. Эти и другие работы Троцкого свидетельствовали о его широком знании русской и зарубежной литературы».

(Юрий Емельянов)

Кроме того, Лейба пристрастился к чтению газет, прежде всего сатирических произведений Власа Дорошевича и других мастеров жанра. И ведь наверняка кое-чему научился. Ведь впоследствии Троцкий в журналистике был сильнее всего как политический фельетонист. Более всего ему удавались статьи, в которых он едко высмеивал противников.

Разумеется, слушал Лейба и комментарии своих воспитателей. Так что у подростка стали складываться определенные взгляды.

«Среда, окружавшая меня, была аполитичной, но безотчетные стремления мои были оппозиционными. Была глубокая неприязнь к существующему строю, к несправедливости, к произволу».

(Л. Д. Троцкий)

Разумеется, ни о каком четком мировоззрении речь не шла. Однако основа была заложена. Бронштейн стал придерживаться оппозиционных взглядов на уровне «все в России плохо». Ну, и конечно же, альтернативой выступал Запад. Преклонение перед границей было вообще очень развито среди «прогрессивных» кругов, но в Одессе – вдвойне. Это был космополитический город, в котором жили представители многих национальностей. К

тому же Одесса – это огромный порт. Так что «заграница» казалась ближе. Вот что пишет о настроениях одесской «передовой интеллигенции» биограф Троцкого Исаак Дейчер: «Одно чувство проявлялось очень явно: заветное стремление к Европе и ее цивилизации, к Западу вообще и его свободам. „Запад“ был как видение земли обетованной – он давал компенсацию и утешение за жалкую и бедную реальность России. Для еврейской интеллигенции эта часть мира... оказывала особое очарование. Для большей части нееврейской интеллигенции Запад также был антитезисом всего, что они ненавидели дома: Священный Синод, цензура, кнут и каторга».

Это признавал и сам Троцкий: «Эта идеализация, незаметно всосанная из окружающей мещански-либеральной среды, держалась и позже, когда я стал уже проникаться революционными взглядами».

Общение со средой любителей поболтать на возвышенные темы, а именно такими и было окружение Шпенцеров, привили Лейбе Бронштейну характерные интеллигентские черты.

В этой среде все полагали себя самыми умными. Причем часто высказывали непререкаемые суждения по вопросам, в которых ни черта не понимали. Снобизм и верхоглядство так и останется чертой, присущей Троцкому на протяжении всей его жизни. Именно поэтому он не смог разглядеть своего самого страшного соперника.

Итак, за время жизни в Одессе у Лейбы Бронштейна сложились неопределенно-оппозиционные взгляды. Но это на самом-то деле ничего еще не значило. Множество людей с такими взглядами отлично делали карьеру, получали чины или клепали денежку – и продолжали на досуге говорить либеральные фразы. Особой опасности для власти такие господа не представляли. И Лейба Бронштейн вполне мог бы прожить и так. Но он пошел иной дорогой.

Противник марксизма

Училище св. Павла, которое закончил Лейба Бронштейн, не предоставляло полного курса обучения. То есть в высшие учебные заведения после него не брали. (Реалисты могли поступать в технические вузы, а также университеты на физико-математический и медицинский факультеты.) Так что требовалось поучиться еще. Поскольку его отец имел контору в Николаеве, то в 1896 году Лейба перебрался в этот город.

Николаев был населенным пунктом не из последних. Он занимал третье место по торговле с заграницей (после Петербурга и Одессы), а по экспорту зерна – первое место в стране. Соответственно, в городе имелся мощный порт. Кроме того, Николаев являлся крупным промышленным городом, вторым после Петербурга центром судостроения. Тут располагались верфи и многочисленные заводы, связанные с ними. Тот есть рабочих было достаточно. Соответствующими были и настроения среди «передовой молодежи». Тут всюду говорили о различных социалистических учениях, в том числе и о марксизме. А Лейба обо всех этих материях понятия не имел. И что было делать? Дело в том, что тогда (и не только тогда) представителям интеллигентской молодежи очень хотелось быть «передовыми». Лейба в Одессе считал себя таковым. А тут оказалось – его взгляды уже не актуальны. И что было делать?

Можно, конечно, было почитать соответствующую литературу. Благо она была достаточно доступна. Но Бронштейн пошел иным путем.

«На первых порах я давал в разговоре решительный отпор „социалистическим утопиям“. Я разыгрывал из себя скептика, который через все это прошел. На политические вопросы я откликался не иначе, как тоном иронического превосходства. Хозяйка, у которой я жил, глядела на меня с удивлением и даже ставила меня в пример, правда, не совсем

уверенно, своим собственным детям, которые были несколько старше меня и тянули влево. Но это была с моей стороны лишь неравная борьба за самостоятельность. Я пытался избежать личного влияния на меня тех молодых социалистов, с которыми меня столкнула судьба. Неравная борьба длилась всего несколько месяцев».

(Л. Д. Троцкий)

Тем не менее, Бронштейн стал посещать своего рода дискуссионный клуб, который располагался в доме Франца Швиговского, чеха по национальности. Он арендовал дом с примыкающим к нему садом, где и собирались. Там бывали не только учащиеся, но и бывшие ссыльные. Таким людям обычно запрещали какое-то время проживать в губернских городах. Николаев таковым не являлся. Но с другой стороны, тут было много рабочих, да и климат южный... Так что бывших ссыльных хватало. А времена-то были интересные. По всей Российской империи в «передовых» кругах кипели бурные идейные споры – шла битва марксистов и неонародников. Впоследствии радикально настроенные представители этих течений разошлись соответственно – в РСДРП и в партию социалистов-революционеров. Но до поры до времени те и другие варились в одном котле. Тем более что большинство тех, кто захаживал к Швиговскому, в теориях не очень разбирались. Лейба Бронштейн был из их числа.

«Он очень мало знал и о той, и о другой доктрине. Он только что взял займы у Швиговского несколько устаревших брошюр, которые читал впервые, и некоторые подшивки радикальных изданий, нервно просмотрел их, с нетерпением стараясь с ходу понять суть их аргументов».

(Исаак Дейчер)

Интересно, что жандармы были прекрасно осведомлены о том, что происходит у Швиговского. Однако ничего не предпринимали. Они наблюдали за сборищами, ожидая, что будет дальше.

Что же касается Бронштейна, то читать Маркса ему было лень. Что не помешало Лейбе объявить себя противником марксизма. Он упрекал марксистов за «приземленность», за то, что это «бухгалтеры», что они принижают человеческий дух. То есть повторял обычные аргументы народников, ставшие к тому времени штампом. Однако дело в том, **как** он это делал. А получалось у парня здорово. Вот что вспоминал А. Г. Зив, один из участников сборищ у Швиговского:

«У него, как у всех людей с развитым интеллектом, с быстрой мыслительной реакцией был прекрасный дар блефа. Он так быстро мог ухватить направление мысли противника со всеми... ее выводами, что было очень трудно победить его в споре, обладая лишь знанием предмета».

То есть Лейба имел врожденный талант к публичным дискуссиям. Как известно, в них проще всего победить не доказав свою правоту, а высмеяв оппонента. А для этого что-то знать и ни к чему. Достаточно умения быстро соображать и хорошо подвешенного языка. А с тем и другим у Бронштейна было все в порядке.

Одновременно начались нелады с отцом. Дело обычное и вечное. Давид Бронштейн, приезжая по делам в Николаев, все более убеждался, что сына несет куда-то не туда. Он пытался давить родительским авторитетом – но пытаться таким образом образумить семнадцатилетнего парня – дело безнадежное. Неважно, чем он увлекся – революцией или панк-движением.

«У нас было несколько бурных объяснений. Я непримиримо боролся за свою самостоятельность, за право выбора пути. Кончилось тем, что

я отказался от материальной помощи семьи, покинул свою ученическую квартиру и поселился вместе со Швиговским, который к этому времени арендовал другой сад с более обширной избою».

(Л. Д. Троцкий)

«Старый Бронштейн иногда приезжал из Яновки, чтобы повидать Лейбу, полагая, что тот, устав от лишений и неудобств, изменится. Однако это не происходило. Один из жильцов Швиговского, который потом стал известным редактором коммунистических изданий, вспоминал „большого, усатого земледельца, который пришел в избу рано утром... Стоя надо мной, он громким басом крикнул: „А ты тоже убежал от своего отца?“ Скандальные сцены завершались частичными примирениями. Отец, видя крушение своих надежд, становился все более раздражительным и нетерпеливым. Сын, который желал первенствовать над своими товарищами, стыдился этих сцен, а поэтому отвечал неуважительно и язвительно. И с той и с другой стороны сошлись схожие характеры, такая же гордыня, такое же упрямство, такая же уверенность в своей правоте, те же громовые басы“».

(Исаак Дейчер)

Итак, Лейба Бронштейн сделал первый шаг в сторону от «мещанской» жизни. Хотя на самом-то деле вся эта компания, жившая в доме у Швиговского, не имела никакого отношения к революционной деятельности. Это очень похоже... на коммуны хиппи середины восьмидесятых годов XX века. Включая домик с садиком.

«Жили „коммуной“... Я стал давать уроки. Мы жили спартанцами, без постельного белья, и питались похлебками, которые сами готовили. Мы носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и черные палки. В городе считали, что мы примкнули к таинственной секте. Мы беспорядочно читали, неистово спорили, страстно заглядывали в будущее и были по-своему счастливы».

(Л. Д. Троцкий)

Я нечто подобное видал.

Впрочем, члены коммуны как-то решили распространять нелегальную литературу. Только они понятия не имели, как это делать, – так что ничего у них не вышло. Попытка Лейбы попробовать свои силы в журналистике тоже закончилась провалом. Он сочинил статью в одесский народнический журнал.

«В статье было много эпитафий, цитат и яду. Содержания в ней было значительно меньше. Я послал статью по почте, а через неделю сам поехал за ответом. Редактор через большие очки с симпатией глядел на автора, у которого вздымалась огромная копна волос на голове, при отсутствии хотя бы намека на растительность на лице. Статья не увидела света. Никто от этого не пострадал, меньше всего я сам».

(Л. Д. Троцкий)

Все эти развлечения не помешали Бронштейну закончить училище с отличием. А что делать дальше?

«Отец хотел, чтобы я стал инженером. А я колебался между чистой математикой, к которой чувствовал тяготение, и революцией, которая постепенно овладевала мною».

(Л. Д. Троцкий)

Дядя Лейбы предложил ему пожить у него в Одессе, дабы поступить в университет на математический факультет Одесского университета. (Выпускники гимназий и реальных училищ поступали на матфак без экзаменов.) Но...

«Поступление на математический факультет оттягивалось. Я жил в Одессе и искал. Чего? Главным образом, себя. Я заводил случайные знакомства с рабочими, доставал нелегальную литературу, давал уроки, читал тайные лекции ученикам ремесленного училища, вел споры с марксистами, все еще пытаюсь не сдаваться. С последним осенним пароходом я уехал в Николаев и снова поселился со Швиговским в саду. Возобновилось старое. Мы обсуждали последние книжки радикальных журналов, неопределенно готовились и ждали».

(Л. Д. Троцкий)

Однако тусоваться членам коммуны уже надоело. Они подошли к той черте, когда надо или разбежаться, или переходить на более серьезный уровень.

«Бронштейн... неожиданно отозвал меня в сторонку и предложил мне по секрету, чтобы я присоединился к рабочей организации, созданной им самим... Идея народников, сказал Бронштейн, отброшена. Планируется создать социал-демократическую организацию, хотя Бронштейн избегал использовать это слово... Предложено назвать ее „Южно-русский рабочий союз“... Когда я присоединился к организации, все уже было налажено. Бронштейн уже установил связи с рабочими, а также с революционными кругами в Одессе, Екатеринославе и других городах».

(А. Г. Зив)

Лейба и тут блефовал. Организация-то и в самом деле возникла, да только вот он был в ней отнюдь не на первых ролях.

Как бы то ни было, но «Южно-русский рабочий союз» был создан – и он являлся отнюдь не мифической организацией. В него и в самом деле входили рабочие, в одном лишь Николаеве в нем состояло более двухсот человек. По тому времени – не так уж и мало. Другое дело, что с идеологией в организации был полный завал. В «Союз» пришло множество рабочих, являвшихся членами различных религиозных сект.

«Некоторые называли себя баптистами, штундистами, евангельскими христианами... В первые недели наших бесед некоторые из них еще употребляли сектантские обороты и прибегали к сравнениям с эпохой первых христиан».

(Л. Д. Троцкий)

Вообще-то в Российской империи того времени разнообразных сект было множество. Об этом не очень известно. При СССР данному вопросу как-то не уделяли внимания, а теперь откровенно замалчивают. Еще бы! У нас ведь был насквозь православный народ... Так вот, имелись и секты, пришедшие с Запада, как те же баптисты², были и собственные – молокане, духоборы, субботники, сютаевцы, белоризцы, прыгуны и т. д. Имелись среди этих структур и очень серьезные. К примеру, хлысты, вполне подходящие под определение «тоталитарная секта», насчитывали по разным оценкам от 500 тысяч до миллиона приверженцев, обладали мощной финансовой базой (многие сектанты были успешными предпри-

² Вообще-то баптисты сектой не являются. Но в условиях, когда Православие было государственной религией, баптизм обрел сектантские черты.

нимателями) и великолепно законспирированной организацией. Большевикам было у кого учиться.

Причины такого обилия сект описаны в предыдущей главе – разочарование в Православной Церкви.

Все эти структуры объявляли существующее государство в лучшем случае «неправедным», а то и вовсе «бесовским». Популярности сект способствовало и то... что власти их преследовали.

Неудивительно, что среди сектантов было достаточно много «стихийных социалистов» – то есть тех, кто доходил до социалистических идей своим умом. А что? Покажите мне место в Евангелии, где говорится о «священной частной собственности». Христос проповедовал несколько иные идеи.

Люди видели несправедливость мира и «искали правду» где могли и как умели. Вот с таким контингентом и начали работать ребята из коммуны Шидловского. Первоначально получалось не слишком. Будущий великий оратор Бронштейн тоже однажды опозорился. Как вспоминал А. Г. Зив: «Он цитировал Гумпловица и Джона Стюарта Милля, и в конце концов совершенно запутался. Его фразы становились все более трескучими и невразумительными. Аудитория, искренне сочувствовавшая оратору, не знала, как ему помочь завершить его речь. Когда же он, наконец, замолк и попросил задавать ему вопросы по обсуждавшейся теме, то все молчали, так как не знали, что же это была за тема. Оратор прошествовал через комнату и бросился на диван, уткнувшись лицом в подушку.

Он был покрыт потом, а его спина тряслась от беззвучных рыданий. Мы все от души жалели его».

Первые уроки массовой пропаганды Бронштейну дал рабочий И. А. Мухин, один из «стихийных социалистов». Он объяснял свой метод:

«Евангелие для меня в этом деле, как крючок. Я с религии начинаю, а перевожу на жизнь. Я штундистам³ на днях на фасолях всю правду раскрыл». – «Как на фасолях?» – «Очень просто: кладу зерно на стол – вот это царь, кругом еще обкладываю зерна: это министры, архиереи, генералы, дальше – дворянство, купечество, а вот эти фасоли кучей – простой народ. Теперь спрашиваю: где царь? Он показывает в середку. Где министры? Показывает кругом. Как я ему сказал, так он мне и говорит. Ну теперь постой... Тут я, значит, рукой все фасоли и перемешал. А ну-ка покажи, где царь? Где министры? Да кто ж его, говорит, теперь узнает? Теперь его не найдешь... Вот то-то, говорю, и есть, что не найдешь, вот так, говорю, и надо все фасоли перемешать».

(Л. Д. Троцкий)

С революционной литературой в Николаеве было очень невесело. Как писал Троцкий, «не хватало литературы. Руководители рвали друг у друга из рук один-единственный заново открытый рукописный экземпляр „Коммунистического манифеста“ Маркса – Энгельса, списанный разными почерками в Одессе, с многочисленными пропусками и искажениями».

А поэтому руководители кружка «сами начали создавать литературу». Начали клепать свои издания. Разумеется, ни о какой подпольной типографии речь не шла. Выручал гектограф – благо для изготовления этого устройства не нужно особых знаний, для создания гектографа требуется только аккуратность и металлическая емкость. А ингредиенты свободно продавались: глицерин в аптеках, желатин в бакалейных лавках, анилиновые чернила в пис-

³ Штундисты – религиозное движение, одно из разновидностей протестантизма. Оно зародилось в начале XIX века на Юге России, в среде немцев-колонистов. Однако в 70-х годах того же века стало распространяться среди русских и украинских крестьян.

чебумажных магазинах. Из глицерина и желатина варится нечто вроде студня. К нему прикладывают написанный анилиновыми чернилами текст.

Печать на гектографе – дело муторное. Печатной формы хватает на 30–50 экземпляров, потом текст смазывается, надо писать снова...

Таким вот «пещерным» образом было выпущено 10 листовок и три номера газеты «Наш путь». Автором большинства текстов был Бронштейн.

Во всей этой деятельности было много от «игры в солдатики».

«Судя по его рассказам, Бронштейн с энтузиазмом воспринял еще одну сторону революционной деятельности – необходимость соблюдения секретности. Даже много лет спустя он с нескрываемым восторгом описывал тайные встречи, происходившие то в шумном трактире „Россия“ под оглушительную музыку „машины“, то лунной ночью на кладбище. Бронштейн придумал себе псевдоним „Львов“, и этой фамилией он представлялся при знакомстве с новыми членами „Союза“. Вероятно, все это тешило его романтическое воображение».

(Юрий Емельянов)

Ребята явно не понимали, чем могут закончиться эти игры. И доигрались. Судя по всему, они с самого начала были под колпаком у жандармов. Те медлили с арестом лишь потому, что хотели убедиться – не стоят ли за ними более серьезные товарищи. Подозревали и бывших ссыльных, и связи со столицами и с революционерами-эмигрантами.

Надо сказать, что конец XIX века – это была золотая пора российского политического сыска. Тон задавало Московское охранное отделение во главе со знаменитым полковником Сергеем Васильевичем Зубатовым. Фактически же московская охранка действовала на территории всей империи и даже за границей. Зубатов активно внедрял такую практику – не просто хватать «крамольников», едва о них стало известно, а полностью «раскрыть» организацию, потом брать всех оптом. Именно так в том же 1898 году был «ликвидирован» Бунд – еврейская социалистическая организация, действовавшая на территории современной Белоруссии. Кроме того, зубатовцы выследили место проведения I съезда РСДРП и арестовали почти всех делегатов. Так что формально провозглашенная партия на самом-то деле еще несколько лет оставалась мало связанной россыпью кружков.

К разгрому «Южно-русского рабочего союза» ребята Зубатова прямого отношения не имели – для них это было слишком мелко. Но николаевские сыскари явно равнялись на передовые методы.

Итак, когда жандармы, убедившись, что никаких серьезных людей за «Союзом» не стоит, всех подмели... Операция была проведена на высшем уровне. **В один день, 28 января 1898 года в Николаеве было арестовано около 200 членов «Южно-русского рабочего союза».** Среди них был и Лейба Бронштейн.

Прогулки в Сибирь и обратно

Вылетев из семинарии, Иосиф Джугашвили оказался в пустоте. В Тифлисе ему были негде и не на что жить. Пришлось возвращаться в Гори.

«Ничего хорошего от встречи с матерью он не ждал, однако куда денешься! Действительно, прием дома ему был оказан такой, что пришлось прятаться от матери. Скрывался он за городом, в садах, куда товарищи приносили еду, а потом отправился в село Цроми, где проводил лето у отца-священника его друг Михаил Монаселидзе. Молодые люди были полны планов и надежд. Время от времени к ним навещался Ладо, все вместе они обсуждали будущую работу в Тифлисе – как от просветительства, которое давно уже в зубах навязло, перейти наконец к делу. Зачем создавали рабочий актив – естественное в воскресных школах изучать, что ли? Лето кончилось, и Иосиф вернулся в Тифлис. Революционной работы было предостаточно, а вот жить оказалось негде и не на что. Он ночевал у товарищей, перебивался случайными уроками. Но не имей сто рублей, а имей сто друзей – помог Ваню Кецохвели, который работал в Тифлисской физической обсерватории и там же жил (за этим громким названием скрывалась банальная метеорологическая станция). Он разделил с бездомным другом казенную комнату, а вскоре устроил его на работу в ту же обсерваторию. Потребности у Иосифа были очень скромные. Питался он чем придется, одежды было – только то, что на нем, так что биографы довольно легко датируют фотографии Сталина по тому, во что он на этих фотографиях одет. В первый год своего самостоятельного плавания по волнам революции он носил черную русскую блузу-косоворотку, старый коричневый плащ, русский картуз, жил, как уже говорилось, в комнатке при обсерватории, занимался пропагандой, но все чаще задавал себе вопрос: а для чего ему заниматься пропагандой? Что дальше?»

(Елена Прудникова)

Между тем, дела-то у социал-демократов были паршивыми. Как уже упоминалось, РСДРП как единая организация существовала только на бумаге. Лидеров всероссийского масштаба не было. Будущие вожди – В. И. Ульянов и Ю. О. Мартов пока что таковыми не являлись, к тому же они находились в ссылке. Тифлисская организация была одна из немногих реально действовавших партийных структур. Неудивительно, что там начались процессы, которые на общероссийском уровне проявятся много позже.

«В тифлисской организации назревал раскол между „старыми“ и „молодыми“ эсдеками. „Старики“ по-прежнему занимались просвещением рабочих и считали, что ничего другого делать пока не нужно, – эта группа во главе с Ноем Жордания впоследствии составит ядро меньшевистской организации Закавказья. „Молодые“, которыми руководил Ладо Кецохвели, требовали перехода к активным действиям, у них было много нерастрченных сил, однако недостаточно влияния и авторитета, чтобы настоять на своем и направить организацию по выбранному ими пути. Споры продолжались и продолжались, и вот Сосо, набравшись решимости, вынес этот „верхушечный“ конфликт на рассмотрение рабочих. Впрочем, этот шаг тоже никакой пользы не принес, кроме того, что у него отобрали кружок. Уж очень разные были весовые категории – „старики“ создали

организацию, за ними был статус руководителей, опыт работы, они держали в руках финансирование. Если бы хоть одно выступление трудящихся, хотя бы одна забастовка, чтобы стронуть эту лавину. А там пойдет.»

(Елена Прудникова)

Причины этого конфликта понятны. Я уже упоминал о «золотом периоде охранки». Любому, кто не совсем дурак, было ясно: если начать активную деятельность, то на свободе долго не погуляешь. Заметут. Не всем хотелось в Сибирь. Так что, в отличие от Лейбы Бронштейна, Иосиф Джугашвили отлично понимал, на что идет.

Неугомонная молодежь «стариков» не послушала и перешла к активным действиям. Ладо Кецохвели организовал-таки забастовку тифлисской конки, которая началась 1 января 1900 года. Ничего путного из этого не вышло. Дело не дошло даже до переговоров с администрацией. Полиция просто-напросто арестовала всех рабочих активистов. Ладо избежал ареста, но ему пришлось «делать ноги» в Баку.

Однако эсдеки не расстроились, а продолжили свою деятельность. И это принесло плоды. В начале июля остановилась табачная фабрика Сафарова, в конце – табачная фабрика Бозарджианца, в августе – завод Яралова и еще одна табачная фабрика. Потом дошла очередь и до хорошо знакомой Иосифу Джугашвили обувной фабрики Адельханова. 1 августа забастовали железнодорожные мастерские.

Не стоит думать, что социал-демократы всем этим непосредственно руководили. Вообще-то организовать забастовку на пустом месте невозможно. Ведь для этого надо убедить **большинство** рабочих прекратить работу. То есть рискнуть своим заработком. Это молодым все равно, а у других, между прочим, дети... Никакими речами рабочих не проймешь. Другое дело – когда терпение доведенных до ручки рабочих истощалось, то забастовки нередко начинались и без всяких революционеров. Заметим, что до 1905 года требования рабочих были **исключительно** экономическими.

А что же социал-демократы? Они рассматривали экономические забастовки как способ завоевать авторитет среди рабочих. Ведь в самом деле – кому люди больше верят? Тому, кто к ним приперся с улицы речи толкать, – или тому, кто с ними боролся плечом к плечу?

Так что деятельность социал-демократов сводилась к следующему: в случае «пограничной ситуации» убедить колеблющихся, а когда забастовка началась – помочь с организацией, грамотно сформулировать требования и так далее. Немаловажным делом являлось информационное обеспечение. Тифлиские эсдеки подсустились – начала работу подпольная типография, выпускавшая листовки.

Шум вышел изрядный. В город ввели войска, начались массовые увольнения рабочих и аресты зачинщиков. Тем не менее, организация РСДРП не только не была разгромлена, но и укрепилась. Более того, в нее пошли именно рабочие. Жандармы тоже не дремали. Впрочем, местные борцы с крамолой действовали совсем не по методу Зубатова. Возможно, дело тут как раз в большом количестве забастовок. Ведь как это бывает? Начальство стучит кулаком и требует принять решительные меры. Что остается? Изображать бурную деятельность и хватать всех попавших в поле зрения. Результаты этого были не слишком хорошие. Потому что гребли как раз «стариков», противников активных действий. А до не особо засветившихся молодых добраться не смогли. Так что организация становилась все более радикальной.

На квартире Иосифа также провели обыск. Правда, ничего не нашли, однако он понял, что достиг той точки, после которой действовать, находясь на легальном положении, уже не представляется возможным. Так что в мае 1901 года Джугашвили ушел в подполье, став одним из первых в России профессиональных революционеров.

В начале ноября Иосиф стал членом комитета тифлисской организации РСДРП. На такую должность он выбился потому, что более авторитетные товарищи уже смотрели на

небо в клеточку. Но раз уж стал – так надо работать. Джугашвили послали организовывать работу в Батуме. И вот тут-то началось...

Батум (Батуми) являлся крупным портом на черноморском побережье Закавказья и крупным промышленным центром. Однако влияние социал-демократов было в этом городе минимальным. Но тут революционерам помогли... российские власти. Дело в том, что с забастовщиками власти боролись весьма интересным способом. Зачинщиков стачек вычислить было очень непросто. А еще сложнее – предъявить им судебное обвинение. Так что власти поступали следующим образом. Заподозренных рабочих высылали в административном порядке в глубинку – такое право имелось у губернаторов. Потом возник и специальный орган – Особое совещание при Министерстве внутренних дел. Так что большевики просто позаимствовали опыт Российской империи.

Более глупого способа борьбы с рабочим движением трудно придумать. Представьте – в спокойную глубинку прибывают люди с соответствующими настроениями и опытом. Что удивляться, если глубинка после этого перестает быть спокойной?

В Батум в 1900 году начали приезжать рабочие, «засветившиеся» в тифлиских забастовках. Ребята стали собирать вокруг себя недовольных. Это были **стихийные** кружки, лишённые какой-либо определенной идеологии. Но они являлись уже готовой средой для распространения социал-демократических идей. Так что вопрос заключался лишь в лидере, который рабочее недовольство направит в нужную сторону. И такой лидер появился.

Для начала Иосиф направился на завод Ротшильда, на котором имелся небольшой рабочий кружок. Джугашвили поставил вопрос ребром:

«Каждый из вас должен привести к нам еще хотя бы по одному человеку».

То же самое происходило и на собрании рабочих активистов завода Манташева. Следом произошло собрание людей с разных предприятий. Иосиф заявил:

«Вас семь человек, соберите каждый по семи человек у себя на предприятии и передайте им нашу беседу».

И дело пошло. Начались забастовки. Так на заводе Ротшильда в одном из цехов возник пожар. Рабочие приняли участие в борьбе с огнем. А вот премии выплатили только мастерам и бригадирам. Рабочих возмутила даже не «упущенная выгода», а несправедливость – лезли в огонь одни, деньги выплатили другим. Как часто бывает, руководство завода подвела жадность... Под чутким предводительством Джугашвили на заводе вспыхнула стачка. Причем рабочие заодно, раз уж все равно начали, потребовали отмены работы в выходные. Акция закончилась победой – администрация удовлетворила все требования рабочих.

«Более серьезная забастовка произошла на заводе Манташева – уже через неделю после первой. Во-первых, это было ничем не спровоцированное выступление. Во-вторых, и требований выставили больше. В „первой серии“ было: отмена ночных работ и работы в воскресные дни и вежливое обращение со стороны мастеров и администрации. Но, поскольку хозяева не спешили идти на уступки и даже вызвали полицию, то последовала и „вторая серия“ с требованием повышения заработной платы, отмены штрафов.

В конце концов, и эта забастовка закончилась победой рабочих. Да, опытный организатор – половина победы!»

(Елена Прудникова)

Тут я еще раз подчеркну. Для социал-демократов борьба за улучшение условий труда на том или ином предприятии не являлась самоцелью. Кроме завоевания авторитета, заба-

стовки рассматривались как своего рода тренировка – рабочие учились действовать сплоченно, преодолевался стереотип: «А что мы можем». Так что успехи стачек являлись лучшей формой пропаганды. Дескать, видите, ребята? Если мы возьмемся все вместе, то можем и горы свернуть! При этом до поры до времени политические лозунги забастовщики не выставляли.

Одновременно эсдеки под руководством Иосифа перевезли в Батум типографию. Конечно, это было то еще чудо техники. Ни о каких печатных машинах речь не шла – эти сооружения были дорогими, громоздкими и работали с большим и очень характерным шумом.

Приходилось действовать «прадедовским способом». Набор и печать производились вручную. Причем наборная рамка была одна – так что для печати нескольких листов требовалось набрать и отпечатать один, потом набрать следующий... Дело непростое – но по сравнению с распространенными тогда у подпольщиков гектографами это был большой шаг вперед. Зато «типографию» было легко перемещать по городу. В конце концов она «прописалась» в одном из склепов городского кладбища.

Тем временем в российской экономике происходили невеселые события. Начался кризис. А это явление одинаково во все времена и во всех странах. Предприниматели начинают массовые увольнения и снижают расценки. Вот и в Батуме администрация завода Ротшильда объявила о намерении уволить 40 % рабочих. Снова началась забастовка. Однако тут у администрации позиция была выгоднее. Ведь в чем суть стачки? Предприятие прекращает работу – значит, хозяева не могут выполнить своих обязательств перед партнерами, несут убытки, подрывается их деловая репутация. Так что часто проще дать рабочим то, что они требуют. Однако во времена кризиса расклад иной – представители администрации говорят: «Не хотите работать? Так и идите за ворота!». Парадокс же в том, что именно во время кризиса количество забастовок резко возрастает.

На заводе Ротшильда начальство уперлось. Рабочие тоже отступать не желали. Так что забастовку попытались задавить привычными методами – была вызвана полиция, арестовавшая всех, кого сочли зачинщиками. Как правило, после таких действий забастовка прекращалась. Но не на этот раз. К пересыльной тюрьме, где содержались арестованные, явилось несколько сот рабочих. Лозунг был такой – или выпустите наших товарищей, или всех нас сажайте вместе с ними. Власти подумали – и в самом деле заперли всех участников митинга. Однако на следующий день пришли те рабочие завода Ротшильда, которые в первый день в митинге не участвовали, а вот теперь собрались штурмовать тюрьму. Между тем те, кто находились внутри, выломали двери и выскочили наружу. Дело принимало нешуточный оборот – полиция своими силами справиться уже не могла – а потому вызвала войска. Идея не самая лучшая – потому как солдаты обучены сразу стрелять на поражение. И они стали стрелять. Итог – 25 раненых, 13 убитых.

«И поезд мчит меня в сибирские морозы»

Разумеется, началось расследование. И вот тут-то и всплыла фамилия Джугашвили. 5 апреля 1902 года он был арестован. Для Иосифа начались «тюремные университеты». Кстати, этот термин – не такая уж метафора. Дело в том, что в процессе подпольной работы повышать свой теоретический уровень просто некогда. А вот в тюрьме времени много. Тем более что политических в те времена чаще всего располагали отдельно. У арестованных было время – как поспорить, так и просвещать молодежь. Нет ничего странного в том, что нередко те, кто попадал в тюрьму, вляпавшись по чистой случайности или «за компанию» – «все пошли и я пошел», – выходили убежденными социал-демократами, эсерами или анар-

хистами. Вот и Иосиф все время проводил с книжкой. Заодно в спорах он совершенствовал полемические навыки. Развлекался Иосиф и более активно.

«Осенью 1903 года Батум посетил экзарх Грузии. Узнав, что высокий гость пожелал осмотреть тюрьму, Иосиф устраивает приуроченную к этому событию демонстрацию заключенных. После этой истории его переводят в Кутаиси, и, оставив в наследство тюремному начальству организацию заключенных в Батуме, он принимается за то же самое уже в новой тюрьме. Впрочем, даже худшая камера была не настолько плоха, чтобы испортить удовольствие от отсутствия уголовных соседей. Разве что для Иосифа это ухудшение условий было ощутимо. В тюрьме его и без того слабое здоровье серьезно пошатнулось, вплотную приблизился бич Кавказа – туберкулез.

...И так вот он, нисколько не скучая, сидел в кутаисской тюрьме. Ну, естественно, перевод подследственного из одной тюрьмы в другую для полицейской бюрократии был операцией непосильной – в Тифлисе, где решалась его судьба, Джугашвили „потеряли“. Когда следствие было окончено, местное жандармское управление, которому надоело возиться со столь беспокойным заключенным, предложило выпустить его до решения дела под особый надзор полиции. Тифлис отказал, Иосиф остался в тюрьме, однако кто-то в каких-то бумажках что-то не то написал, и к тому моменту, когда дело Джугашвили решилось, Тифлисское жандармское управление почему-то было уверено, что он выпущен под надзор полиции. Его стали искать и, естественно, нигде не нашли, после чего объявили розыск по всей Грузии. На протяжении всей этой суматохи разыскиваемый преспокойно сидел себе в кутаисской тюрьме».

(Елена Прудникова)

Тем временем жандармам стало известно и о деятельности Джугашвили в Тифлисе. Но вот найти доказательную базу никак не удавалось. Тем более, складывалось впечатление, что в Тифлисском жандармском управлении имелся саботажник, который разваливал дело. А что вы думали? Взаимоотношения революционеров, предпринимателей и жандармов – темный лес. Представители власти играли порой в очень непонятные игры. Предприниматели боролись друг с другом, в том числе – и помогая проводить забастовки на предприятиях конкурентов. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, кто на кого и почему работал.

И вот представьте жандармов, которые точно знают, что тот или иной революционер замешан в крамольной деятельности, – а посадить его не выходит.

Впрочем, выход был – уже упомянутое Особое совещание при Министерстве внутренних дел. Оно было создано специально для преследования тех, кого по суду привлечь невозможно. Большинство социал-демократов отправлялись в Сибирь именно по решению этой структуры. В отличие от эсеров и анархистов, которых привлекали по уголовным статьям.

Итак, по решению Особого совещания Джугашвили приговорили к ссылке в Восточную Сибирь сроком на три года.

«После этого его полтора месяца искали, еще два месяца готовили к этапу, и к месту ссылки он отправился только в конце ноября – в демисезонном пальто и легких ботинках. Ну, а кого это волновало – правительство брало на себя расходы по транспортировке заключенных, но снабжать их еще и теплой одеждой оно было не обязано. Между тем имущества у Иосифа было, как и всегда, только то, что на нем. И денег столько же, сколько всегда, – ни рубля. Небольшую сумму выдал отправляемым по этапу товарищам комитет РСДРП, да батумские рабочие

собрали около 10 рублей и немного провизии. С чем он и отправился в сибирскую зиму...

...Конечно, Иркутск не Якутск, есть в Российской империи места и подальше. Но Восточная Сибирь – это очень далеко, и там очень холодно. Из Иркутска путь лежал дальше, в уездный город Балаганск, а оттуда – в селение Новая Уда. Как Иосиф в декабре, не имея теплой одежды, доехал до Новой Уды, история умалчивает. Зато стражники могли быть спокойны за нового ссыльного – зимой он никуда не денется, в Сибири без шубы не побегаешь. Точнее, они так думали, что могут быть спокойны...

Деревенька была крохотная, ссыльных в ней всего четверо. На ее нижнем конце, в бедном домике из двух комнат на краю болота, у крестьянки Марфы Литвинцевой и поселился Иосиф. Стояла зима, морозы доходили до минус тридцати градусов, а он в чем приехал, в том и жил, купить зимнюю одежду было не на что. Но он все равно не собирался задерживаться в ссылке и достаточно скоро ушел в побег. Правда, в первый раз отъехал недалеко – недооценил сибирские морозы, по пути понял, что без теплой одежды не доедет, и вернулся обратно».

(Елена Прудникова)

Долго в ссылке Джугашвили не пробыл. 5 января 1904 года он ушел в побег. Расчет был на то, что охрана будет отмечать Крещение – и ему удастся выиграть время. Так оно и вышло. Хотя уже на следующий день жандармы отправили по округе соответствующую ориентировку, но искали как-то вяло. Джугашвили добрался до города Балаганска, где другие ссыльные снабдили его деньгами и теплыми вещами и помогли добраться до находившейся в 65 километрах ближайшей железнодорожной станции Зима.

А дальше началось нечто не очень понятное. Иосиф отправился... на восток, в Иркутск. Дело в том, что побег из Сибири, особенно зимой – дело непростое. Система поимки беглых ссыльных была отработана. Каждый кондуктор был обязан сообщить о подозрительных пассажирах. Не говоря о станционных жандармах, которые тоже не дремали. У тех и других глаз был наметан. Тем более – за задержание беглеца полагалась премия.

Так что для побега были необходимы прежде всего деньги, хорошая одежда и надежные документы. Их-то Джугашвили и достал в Иркутске. Только вот вопрос: а у кого? Это так и осталось неизвестным. По крайней мере, товарищи из Тифлиса и Батума в этом не участвовали никак.

«Однако Сталин и сам внес изрядную путаницу в историю своего побега. Позднее, уже после победы революции, он любил время от времени рассказывать истории из дореволюционного прошлого или приводить их „к слову“, в качестве примеров. И уж тут-то его творческая фантазия разыгрывалась вовсю! Истории эти излагались во множестве вариантов, обрастая по пути авантюрными ходами и колоритными подробностями. Что касается первого побега из Сибири, то известны три версии того, как это было, и все три – в авторском изложении. Согласно одной версии, он заставил местного мужика везти его к ближайшей станции – 120 верст! – приставив к горлу кинжал. В другой – договорился, что на каждой станции будет выставлять ямщику „аршин водки“. Что это такое? О, это он может сейчас показать! Брался деревянный аршинчик⁴ и вплотную уставлялся серебряными стаканчиками с водкой. Да если бы Иосиф имел деньги на

⁴ Аршин – русская мера, равная 0,7112 метра. Так же называлась линейка соответствующей длины, которую повсеместно использовали в лавках.

такое количество водки, да еще и серебряные стаканы, то ему не было бы нужды ехать за деньгами в Иркутск. То он будто бы нанимался в секретные осведомители к приставу, о чем получал соответствующее удостоверение и щеголял им на всем пути из Сибири до Кавказа. В общем, фантазия работала отменно. А вот о том, что было после побега, Сталин рассказывать не любил».

(Елена Прудникова)

Как бы то ни было, Джугашвили удачно бежал. Интересно, что обстоятельства побега Лейбы Бронштейна тоже достаточно непонятны.

Бронштейн становится Троцким

После ареста Троцкий был помещен в николаевскую тюрьму, затем его перевели в Херсон.

«У меня не было смены белья. Три месяца я носил одну и ту же пару. У меня не было мыла. Тюремные паразиты ели меня заживо».

(Л. Д. Троцкий)

Но главной бедой было нахождение в одиночной камере. Пребывание в «одиночке» всегда считалось самым суровым вариантом тюремного наказания. Впоследствии Лев Давидович писал: «Изоляция была абсолютная, какой я позже не знал нигде и никогда, хотя побывал в двух десятках тюрем».

Известный журналист Влас Дорошевич, побывав на Сахалинской каторге, приводил мнение одного из тамошних работников: «Тюрьмовед-практик, один из сахалинских смотрителей, знаменитый своей жестокостью, великий специалист по части телесных наказаний, полагал так:

– Драть бросил. Что дранье! Ко всему человек привыкает. А вот хорошенькое одиночное заключение, к тому никто уж не привыкнет!»

Недаром в одиночном заключении у людей нередко начинаются проблемы с психикой. Тем более тяжело было заключение для Бронштейна, который, по большому счету, не являлся в это время идейным революционером. Так, играл в революцию и доигрался.

Впрочем, дальше стало легче.

«Скоро меня перевезли на пароходе в Одессу и там поместили в одиночную тюрьму, построенную за несколько лет перед тем, по последнему слову техники. После Николаева и Херсона одесская одиночка показалась мне идеальным учреждением. Перестукивания, записочки, „телефон“, прямой крик через окна – словом, служба связи действовала почти непрерывно. Я выстукивал соседям свои херсонские стихи, они снабжали меня в ответ новостями. От Швиговского я успел через окно узнать о полученном жандармами пакете с моими бумагами и потому без труда расстроил план подполковника Дремлюги, пытавшегося устроить мне ловушку. Нужно сказать, что в тот период мы еще не начали отказываться от дачи показаний, как несколько лет спустя».

(Л. Д. Троцкий)

Правда, это Троцкий так излагает. По другим сведениям, Лейба вел себя в тюрьме по-разному.

«Порой в ходе следствия он вел себя, подобно ученику реального училища, разоблаченному в проказе и пытающемуся уйти от наказания. По

словам А. Г. Зива, Лейба Бронштейн юлил и выкручивался, как мальчишка-озорник, которого судят грозные педагоги, всячески выгораживая себя. Но иногда он резко протестовал против тюремных порядков и, как в первых классах школы, становился организатором коллективных выступлений против начальства. Зив рассказывал, как Бронштейн организовывал буйные демонстрации неповиновения в тюрьме. Узнав о том, что за отказ снять шапку перед тюремным начальством одного заключенного бросили в карцер, Бронштейн и другие потребовали у надсмотрщика вызвать начальника тюрьмы. Тюремщик отказался. Бронштейн сам нажал кнопку вызова. Начальник выбежал во двор в сопровождении охраны. Увидев их, заключенные надели шапки на головы. В ярости начальник потребовал снять головные уборы. На это Бронштейн предложил начальнику снять свою фуражку. По сигналу начальства охрана набросилась на Бронштейна и увела его в карцер».

(Юрий Емельянов)

Сидя в камере, Бронштейн стал изучать... религиозную литературу. Для начала он протудировал Новый Завет, с которым ранее как-то не сталкивался. Затем перешел к чтению религиозных журналов.

«Исследования о бесах или демонах, об их князьях, дьяволе и об их темном бесовском царстве каждый раз заново поражали и в своем роде восхищали молодую рационалистическую мысль кодифицированной глупостью тысячелетий. Пространное изыскание о рае, об его внутреннем устройстве и о месте нахождения заканчивалось меланхолической нотой: „Точных указаний о месте нахождения рая нет“».

(Л. Д. Троцкий)

Впоследствии Лейба объяснял это тем, что больше ничего в тюремной библиотеке не имелось. Но это вряд ли. Тюремные библиотеки в те времена имели очень неплохой подбор литературы. Дело в том, что «сидельцы», которым приносили с воли книги, оставляли их в тюрьме. Так что выбор имелся.

Одновременно Бронштейна заинтересовали статьи о масонстве. Впрочем, тогда масонство привлекало многих революционеров. Прежде всего – отнюдь не целями, а методами организации.

Вот что писал знаменитый теоретик анархизма князь П. А. Кропоткин:

«Масоны – это прежде всего всесветная политическая сила и вековая организация. И наше революционное движение очень много потеряет от того, если так или иначе не будет связано с масонством, имеющим свои нити и в России – и, конечно, в Петербурге – в самых разнообразных сферах».

«Я завел себе для франкмасонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в нее выдержки из многочисленных книг, чередуя их со своими собственными соображениями о франкмасонстве... Работа эта заняла в общем около года... К концу пребывания в одесской тюрьме толстая тетрадь, заверенная и скрепленная подписью старшего жандармского унтер-офицера Усова, стала настоящим кладом исторической эрудиции и философской глубины».

(Л. Д. Троцкий)

Причем большинство авторов читаемых им материалов о масонах относились к «вольным каменщикам» критически – однако при этом они значительно преувеличивали силу и

влияние масонства. На самом-то деле никакой всемирной масонской организации не существовало. Масоны были разделены на множество конкурирующих структур, которые зачастую ненавидели друг друга. К примеру, существовала организация «Великий восток Франции», члены которой имелись и в России. А была другая – «Великий восток России», в которой тоже многие состояли. Первая вторую за масонов не признавала.

Но из книг вырастал образ таинственной и мощной организации...

А вот марксистской литературы Бронштейн практически не знал. Хотя на тот момент в России легально издавалось довольно много марксистских материалов – так что при желании он мог бы что-нибудь и найти.

В тюрьме проявились и некоторые особенности Лейбы Давидовича.

«В душе Троцкого просто нет ни жестокости, ни человечности, вместо них – пустота. Душевное тепло к людям, не связанное с удовлетворением личных нужд, отсутствует в нем. Люди для него – просто особи, сотни, тысячи, сотни тысяч особей, способные питать его властолюбие. Троцкий нравственно слеп. Это врожденный физиологический недостаток, который англичане называют моральным помешательством. Душевный орган симпатии атрофировался у Троцкого в материнском чреве».

(А. Г. Зив)

В одесской тюрьме Лейба встретил человека, у которого впоследствии «позаимствовал» свой псевдоним. Это был тюремный надзиратель, известный своей свирепостью, его боялись не только заключенные, но и тюремное начальство. Впоследствии авторы, писавшие о Троцком, напридумывали на этот счет множество психологических и (особенно) психоаналитических объяснений. Хотя на самом-то деле псевдонимы порой выбирались случайно. Так, В. И. Ульянов, о чьем псевдониме тоже чего только не говорилось, взял себе всем известную фамилию только потому, что, отправляясь после ссылки за границу, он на всякий случай имел второй паспорт, выписанный на имя Н. Ленина. Этот документ Ульянову дал один из товарищей, позаимствовав его у пожилого родственника, который уж точно никуда ехать не собирался; дату рождения переправили. Первые статьи в «Искре» Ульянов подписывал «Н. Ленин».

Что касается нашего героя, то он пока что продолжал оставаться Бронштейном.

В тюрьмах он провел более двух лет. Наконец, Бронштейн получил приговор – четыре года сибирской ссылки. По дороге в Сибирь он познакомился-таки с только что вышедшей работой Ленина «Развитие капитализма в России». В Бутырской тюрьме, где находился по дороге, он вступил в брак с товарищем по борьбе – Александрой Соколовской, которая куда более, чем он, разбиралась в марксизме. В ссылке Бронштейн оказался не так уж далеко (по сибирским меркам) от Джугашвили – в селении Усть-Кут.

«В селе было около сотни изб. Мы поселились в крайней. Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежат золотые прииски. Отблеск золота играл на всей Лене. Усть-Кут знал раньше лучшие времена – с неистовым разгулом, грабежом и разбоем. Но в наше время село затихло. Пьянство, впрочем, осталось. Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день-два и открывать настежь двери на 30-градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заедала насмерть корову, заблудившуюся в лесу. Крестьяне носили на лицах сетки из конского волоса, смазанного дегтем. Весною и осенью село утопало в грязи. Зато природа была прекрасна. Но в те годы я был холоден к ней. Мне как бы жалко было тратить внимание и время на природу. Я жил меж лесов и рек, почти не замечая их. Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц».

Лена была великим водным путем ссылки. Окончившие срок возвращались по реке на юг. Связь отдельных ссылных гнезд, которые росли вместе с революционным прибоем, почти не прерывалась. Ссылные обменивались письмами, выставлявшими в теоретические трактаты.

Обстановка была невеселая. Как писал один из революционеров-народовольцев, „самое страшное в ссылке – тоска“. А вот как оценивал окружающую жизнь Троцкий:

«Идейные разногласия, как всегда в местах принудительного скопления людей, осложнялись дразгами. Личные, особенно романтические конфликты, принимали нередко характер драмы. На этой почве случались и самоубийства. Одного киевского студента мы сторожили в Верхоленске по очереди. Я заметил блестящие металлические стружки на его столе. Потом уж выяснилось, что он строгал из свинца пули для охотничьего ружья. Мы не уберегли его. Направив ствол на сердце, он спустил курок пальцем ноги. Мы молча хоронили его на возвышенности. Речей мы тогда еще стеснялись, как фальши. Во всех больших колониях ссылки были могилы самоубийц. Некоторые ссылные растворялись в окружающей среде, особенно в городах. Другие спивались. Только напряженная работа над собой спасала в ссылке, как в тюрьме».

Троцкий не пал духом. Он добился перевода в селение Илим, где устроился работать конторщиком.

«Переводы с места на место давались иркутским губернатором сравнительно легко. Мы переехали с Александрой Львовной за 250 верст восточнее, на реку Илим, где были друзья. Там я служил короткое время конторщиком у купца-миллионера. Его склады пушнины, лавки и кабаки раскиданы были на пространстве, равном Бельгии и Голландии вместе. Это был могущественный торговый феодал. Многие тысячи подвластных ему тунгусов он называл „мои тунгусишки“. Подписать фамилию он не умел и ставил крест. Жил скупно и скудно целый год и прокучивал десятки тысяч на нижегородской ярмарке. Я прослужил у него полтора месяца. Однажды я записал фунт краски-медянки как пуд и послал в отдаленную лавку чудовищный счет. Моя репутация была подорвана, и я взял расчет. Мы снова вернулись в Усть-Кут. Стояла лютая зима, морозы доходили до 44 градусов по Реомюру. Ямщик рукавицей сдирал льдины с лошадиных морд. На коленях у меня была десятимесячная девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочек. Путешествие прошло все же благополучно. Но в Усть-Куте мы пробыли недолго. Через несколько месяцев губернатор разрешил нам переселиться несколько южнее, в Верхоленск, где были друзья».

(Л. Д. Троцкий)

А деньги были нужны. К этому времени у Бронштейна была дочь, а позже родилась и вторая.

Чтобы заработать, он стал писать статьи в иркутскую газету «Восточное обозрение». В основном это были литературные обзоры.

«Я начал с деревенских корреспонденций, ждал в волнении появления первой из них, был поддержан редакцией, перешел к литературной критике и публицистике. Чтоб найти псевдоним, я раскрыл наудачу итальянский словарь – выпало слово *antidoto*, и в течение долгих лет я подписывал свои статьи Антид Ото, разясняя в шутку друзьям, что хочу вводить марксистское противоядие в легальную печать. Газета неожиданно для меня

повысила мой гонорар с двух до четырех копеек за строку. Это было высшим выражением успеха. Я писал о крестьянстве, о русских классиках, об Ибсене, Гауптмане и Ницше, Мопассане и Эстонье, о Леониде Андрееве и Горьком. Я просиживал ночи, черкая свои рукописи вкривь и вкось, в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем⁵».

(Л. Д. Троцкий)

Качество материалов удовлетворяло редакцию, так что заказов хватало. За «подвал» можно было заработать около пяти рублей. Не так уж и плохо по тем временам.

Как утверждал сам Лев Давидович, именно в ссылке он встал на марксистские позиции. Он установил связь с иркутской группой Сибирского социал-демократического союза, который в январе 1903 года объявил себя комитетом РСДРП. Для этой организации Бронштейн стал писать тексты прокламаций, хотя теоретические знания продолжали у него находиться в зачаточном состоянии.

«Об Ильине⁶, авторе „Развития капитализма“, я смутно слышал в московской пересыльной (кажется, от Ванновского) как о восходящей социал-демократической звезде. О Мартове знал мало, о Потресове – ничего».

(Л. Д. Троцкий)

В 1902 году Бронштейн познакомился с Феликсом Дзержинским, которого этапировали вверх по Лене. От него он узнал про создание в Лондоне газеты «Искра». По большому счету, именно с этой газеты и началась настоящая история РСДРП как единой политической партии. Бронштейн это прекрасно понял.

«За границей создана „Искра“, поставившая своей задачей создание централизованной организации профессиональных революционеров, связанных железной дисциплиной действия. Пришла изданная в Женеве книжка Ленина „Что делать?“, целиком посвященная этому вопросу. Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского Союза сразу показались мне маленькими и захолустными перед лицом новой грандиозной задачи».

(Л. Д. Троцкий)

И вот тут-то Бронштейн начинает задумываться о побеге. Но это было непросто. Бежать с семьей и детьми – невозможно. Приходилось их оставлять. Впрочем, как утверждал Троцкий впоследствии, жена была готова к такому повороту. Революция – превыше всего.

Кроме того, началась эпидемия побегов. Приходилось устанавливать очередь.

«Почти во всяком селе встречались отдельные крестьяне, еще мальчишками подвергшиеся влиянию революционеров старшего поколения. Они тайно увозили политиков в лодке, на телеге, в санях, передавая из рук в руки. Сибирская полиция была, в сущности, так же беспомощна, как и мы. Огромные пространства были ее союзником, но и ее врагом. Поймать бежавшего ссыльного было трудно. Больше шансов на то, что он утонет в реке или замерзнет в тайге».

(Л. Д. Троцкий)

⁵ Под словом «писатель» тогда понимали и журналиста, который пишет нечто концептуальное (то есть не репортера).

⁶ То есть о Ленине. Его книга «Развитие капитализма в России» была **легально** издана под псевдонимом Н. Ильин.

Бронштейн ушел в побег 21 августа 1902 года. Его жена некоторое время обманывала жандармов, сделав чучело и положив его на сеновал. Она объясняла, что, дескать, муж заболел... Спихватились власти только через два дня. Этого хватило.

«Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича».
(Л. Д. Троцкий)

Именно тут Лейба Бронштейн вписал в фальшивый паспорт новую фамилию и стал Львом Троцким.

Из Сибири он приехал в Самару, где пересекся Г. М. Кржижановским, руководителем Бюро Русской организации «Искры» и автором текста знаменитой революционной песни «Варшавянка». Секретарем у него трудилась сестра Ленина – М. И. Ульянова.

А вот дальше начинаются загадки.

«Совершенно не ясно, по каким причинам Троцкий получил поручение бюро провести инспекцию партийных организаций в Харькове, Полтаве и Киеве. Ведь он не состоял в РСДРП, а лишь сотрудничал с Сибирским союзом, но не стал его членом. К тому же эта организация еще не входила во всероссийскую партию. Неясно также, кто мог рекомендовать Троцкого и что могло содержаться в такой рекомендации? Весь его опыт политической работы сводился к написанию нескольких прокламаций для „Южно-русского рабочего союза“ и „Сибирского союза“. Его реферат о пользе создания централизованной партии был известен ограниченному числу лиц в Восточной Сибири. За пределами этого края не были известны и его литературные опыты. К тому времени Троцкий не имел возможности прославиться как блистательный оратор, покорявший массовые аудитории».
(Юрий Емельянов)

Ничем особенным Троцкий в этой поездке себя не зарекомендовал. Но тут оказалось, что его вызывают в Лондон. Опять же вопрос: а почему? Пока что ничем особенным Лев Давидович себя не проявил, чтобы его тащить в Лондон.

Некоторые историки связывают данный вызов с Александром Парвусом (Израилем Лазаревичем Гельфандом). По происхождению Парвус – сын еврея-ремесленника. Сначала жил в местечке Березино, потом переехал в Одессу-маму, где связался с революционными кружками. В 1885 году он отбыл учиться в Цюрих и даже получил степень доктора⁷ философии. Он стоял у истоков «Искры» – в его квартире и располагалась редакция.

«Первые пять лет нашего столетия квартира Гельфанда в Швабинге была настоящим центром русской эмиграции... На своей квартире в Швабинге Гельфанд оборудовал нелегальную типографию с современным печатным станком, имевшим специальное устройство, которое позволяло мгновенно рассыпать набор, – это была мера предосторожности против возможных налетов полиции. На этом станке было отпечатано восемь номеров „Искры“».
(З. Земан и В. Шарлау, биографы Парвуса)

⁷ Тогдашний европейский «доктор» ближе к современному российскому кандидату наук. То есть человек, защитивший диссертацию.

Личностью Парвус был очень мутной, его истинные цели непонятны. Но он играл активную роль в германской социал-демократии, а также поддерживал российских революционеров.

«Хотя Троцкого из России выписал Ленин, сделано это было, скорее всего, по подсказке Парвуса, отец которого, как и отец Троцкого, был крупным российским зерноторговцем».

(Георгий Элевтеров, журналист)

Кое-кто из авторов даже утверждает, что Парвус собирался вырастить из Троцкого «своего» лидера. Однако это подгонка задачи под ответ. Лев Давидович пока что ничем особенным не прославился, чтобы растить лидера именно из него. Но его отец вполне мог подсуетиться.

Как бы то ни было, Троцкий добрался до Лондона, успев по дороге пообщаться в Вене с лидером австрийской социал-демократии Виктором Адлером, с которого «стряс» некоторую сумму денег, а в Цюрихе встретился в будущем лидером меньшевиков П. Б. Аксельродом.

К Ленину Троцкий вломился ранним утром, подняв всех на ноги. Троцкий, как он сам писал, «выложил скромный запас своих русских впечатлений: связи на юге слабы, явка в Харькове недействительна, редакция „Южного рабочего“ противится слиянию, австрийская граница в руках гимназиста, который не хочет помогать искровцам».

Но самое главное, было неясно – а что Троцкому делать в Лондоне?

«Насчет моей работы разговор был в этот раз самый общий. Предполагалось, что я некоторое время пробуду за границей, ознакомлюсь с вышедшей литературой, осмотрюсь, а там видно будет. Через некоторое время я предполагал, во всяком случае, вернуться нелегально в Россию для революционной работы».

(Л. Д. Троцкий)

На этом и остановились. Для Льва Давидовича началась эмигрантская жизнь.

Извивы революционного пути

Сибирская ссылка – это один из моментов из дореволюционной истории, когда Сталин и Троцкий находились примерно в одинаковом положении. Но жизнь их снова развела по разным путям.

Обретение призвания

*В подобных спорах побеждает тот, у кого лучше подвешен язык,
а в этом немногие могли сравниться с Ходжей Насреддином.
(Владимир Соловьев, «Повесть о Ходже Насреддине»)*

В Лондоне Троцкий под псевдонимом Перо занялся журналистикой для «Искры». Первая его заметка в этом издании вышла 1 ноября 1902 года и была посвящена празднованию в России 200-летия основания Петром I Шлиссельбургской крепости. Напомним, что крепость использовалась как тюрьма для политических и носила название «Русской Бастилии». В другой статье он критиковал идеи славянского братства, в третьей – политику русификации Финляндии.

Его работы особого впечатления не произвели. Патриарх российской социал-демократии, Георгий Валентинович Плеханов скаламбурил: «Перо вашего „Пера“ мне не нравится». И в самом деле. Троцкий не обладал ни теоретическими познаниями, ни знанием конкретики рабочего движения. И что самое главное – Троцкий был склонен к помпезным фразам и цветистым оборотам – что тогда являлось признаком провинциальной журналистики. «Искра» же позиционировала себя как пусть и нелегальная, но всероссийская газета. Любые ассоциации с провинциальностью были неуместны.

Что же касается теоретических знаний, то с ними было совсем плохо. В общем, на уровне журналистики Троцкому выдвинуться не удалось. Но тут его нашло его призвание. Именно так. Льву Давидовичу поручили новое дело. В лондонском Уайт-Чепеле проходили дискуссии между эмигрантами различных направлений – социал-демократами, народниками, «экономистами»⁸ и так далее. Вот туда и направили Троцкого. Результат всех поразил. Оказалось, что молодой и не слишком образованный парень легко разбивает в дискуссиях мэтров. О причинах я уже писал. В публичной дискуссии побеждает не самый знающий или самый логичный, а самый остроумный. Тем более что у Троцкого был еще один козырь – он недавно приехал из ссылки, а другие эмигранты сидели за границей много времени. Так что им можно было всегда сказать: «Да что вы вообще знаете?»

Причем Троцкому понравился сам процесс. Он испытывал удовлетворение, схожее с чувствами актера после удачного выступления. Как он вспоминал: «Я возвращался в очень приподнятом настроении, тротуара под подошвами совсем не ощущал».

Успехи Льва Давидовича товарищи оценили и бросили его на схожую работу. Они послали его по Европе пропагандировать РСДРП. Это было важным делом. В мире существовал тогда II Интернационал – объединение социалистических организаций. Но в России имелись две конкурирующие социалистические партии – РСДРП и Партия социалистов-революционеров (эсеры). Каждая из организаций претендовала, что именно она является подлинным представителем российского социалистического движения. Причем позиции у эсеров были сильнее. Они ведь объявляли себя наследниками предыдущего поко-

⁸ Экономисты – вариант марксизма, сторонники которого отрицали необходимость политической борьбы рабочих, полагая, что они должны бороться только за экономические интересы. С экономистами свирепее всех боролся Ленин.

ления революционеров – прежде всего народовольцев. Это для сегодняшних людей террористы являются сомнительными персонажами. Но для тогдашних левых они были героями. А кто такие российские социал-демократы? Особого авторитета они завоевать не успели.

Так что Троцкого «бросили» на чтение лекций. Это его устраивало по разным причинам. Как уже сказано, сам процесс ему нравился. С другой стороны, он являлся эдаким «вольным стрелком», не слишком подчинявшимся партийной дисциплине.

...Нельзя сказать, что Троцкий работал, используя только свою природную одаренность в ораторском искусстве. Он очень много трудился, развивая свои способности. В его записках имеется подробнейший разбор приемов лучших социалистических ораторов того времени. Это интересно само по себе.

Вот что записано об Ульянове-Ленине: «Первые фразы обычно общи, тон нащупывающий, вся фигура как бы не нашла равновесия, жест не оформлен, взгляд ушел в себя, в лице скорее угрюмость и как бы даже досада – мысль ищет подхода к аудитории. Этот вступительный период длится то больше, то меньше – смотря по аудитории, по теме, по настроению оратора. Но вот он попал на зарубку. Тема начинает вырисовываться. Оратор наклоняет верхнюю часть туловища вперед, заложив большие пальцы рук за вырезы жилета. И от этого двойного движения сразу выступают вперед голова и руки... Руки очень подвижны, однако без суетливости и нервозности... Голос смягчался, получал большую гибкость и – моментами – лукавую вкрадчивость.

Но вот оратор приводит предполагаемое возражение от лица противника или злобную цитату из статьи врага. Прежде чем он успел разобрать враждебную мысль, он дает вам понять, что возражение неосновательно, поверхностно или фальшиво. Он высвобождает пальцы из жилетных вырезов, откидывает корпус слегка назад, отступает мелкими шагами, как бы для того, чтобы освободить себе место для разгона, и – то иронически, то с видом отчаяния – пожимает крутыми плечами и разводит руками, выразительно отставив большие пальцы. Осуждение противника, осмеяние или опозорение его – смотря по противнику и по случаю – всегда предшествует у него опровержению. Слушатель как бы предуведомляется заранее, какого рода доказательство ему надо ждать и на какой тон настроить свою мысль. После этого открывается логическое наступление. Левая рука попадает либо снова в жилетный вырез, либо – чаще – в карман брюк. Правая следует логике мысли и отмечает ее ритм. В нужные моменты левая приходит на помощь. Оратор устремляется к аудитории, доходит до края эстрады, склоняется вперед и округлыми движениями рук работает над собственным словесным материалом. Это значит, что дело дошло до центральной мысли, до главного пункта всей речи».

А вот описание речи другой тогдашней «звезды» – лидера австрийских социалистов Виктора Адлера: «Оратор Адлер совсем особенный. Кто ждет от оратора живописных образов, могучего голоса, разнообразия жестов, бурного пафоса, пусть слушает Жореса. Кто требует от оратора изысканной законченности стиля и такой же законченности жеста, пусть слушает Вандревельде. Адлер не даст ни того, ни другого. У него хороший, внутренний голос, но не сильный, и притом голосом Адлер не владеет: неэкономно расточает его и под конец речи хрипит и кашляет. Жесты его не богаты, хотя и очень выразительны. Нужно еще добавить, что Адлер довольно сильно заикается, особенно в начале речи. Но в то же время это один из самых замечательных ораторов Европы.

Сильнейшее орудие Адлера – его ирония, глубокая, ибо исполненная нравственного содержания, и в то же время общедоступная, житейски-меткая. Как оратор-полемист, Адлер недосыгаем. Он не пренебрегает, разумеется, и случайным, второстепенным промахом противника, но главная его задача всегда – вскрыть основную капитальную глупость. Именно **глупость...** И когда он говорит, подбирая для своей мысли слова и сопровождая свою работу игрой лица, которое освещается вспышками иронии, тогда даже и органический дефект его

речи кажется необходимостью: короткие паузы, уходящие на то, чтобы совладать с заиканием, как бы приближают слушателя к творческой работе оратора, – точно материал упорствует, не сразу поддаваясь резцу».

И третья «звезда», французский социалист, Жан Жорес: «На трибуне он кажется огромным, а между тем он ниже среднего роста... Как оратор он несравним и несравнен. В его речи нет той законченной изысканности, иногда раздражающей, которой блещет Вандервельде. В логической неотразимости он не сравнится с Бебелем. Ему чужда злая, ядом напоенная ирония Виктора Адлера. Но темперамента, но страсти, но подъема у него хватит на всех их... У французов ораторская техника – общее наследство, которое они берут без усилий и вне которого они немислимы, как „культурный“ человек без платья. Всякий говорящий француз говорит хорошо. Но тем труднее французам быть великим оратором. А таков Жорес. Не его богатая техника, не огромный, поражающий, как чудо, голос его, не свободная щедрость его жестов, а гениальная наивность его энтузиазма – вот что роднит Жореса с массой и делает его тем, что он есть».

Как видим, Троцкий очень внимательно изучал приемы тогдашних выдающихся ораторов. Причем он убедился, что глубокое идейное содержание для публичного оратора не слишком-то важно. Куда важнее – отточенные ораторские приемы и хлесткие лозунги.

Но Троцкий внес и нечто свое. Это – чрезвычайное эмоциональное напряжение (или его имитация). Оно порождало эмоциональный контакт с аудиторией. Много лет спустя Троцкий описывал свои ощущения во время выступлений перед рабочими в 1917 году: «Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова позабывались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, будто сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтобы он, как сомнамбула, не сорвался с карниза от голоса своего резонанства».

Однако этот талант имел и обратную сторону. Льва Давидовича часто заносило. Нередко он действовал во вред себе только потому, что слишком увлекался собственным красноречием. Тем более, как и многие люди с артистическим темпераментом, Троцкий слишком трепетно относился к своей персоне. Собственная роль в революционном процессе для него значила больше, чем сам этот процесс.

Но до поры до времени данные особенности его характера никому не мешали. В самом начале XX века российские революционные организации, в том числе и РСДРП, являлись не слишком влиятельными структурами. И никто не знал, что случится дальше. Троцкий поехал по Европе как агитатор, имел большой успех.

«Риторические приемы, которые часто портили его письмо, делали его речь еще более драматичной. Казалось, что он внутри себя переживает драматичный спектакль, где действующие лица преувеличенных размеров участвуют в гомерических битвах, достойных полубогов. Возвышаясь над толпой и чувствуя, что множество глаз устремлены на него, а он сам атакует множество сердец и умов тех, кто был внизу – он был в своей стихии. Современник описывает этого худого, невысокого человека с большими яростными глазами, большим чувственным ртом неправильной формы, который взгромоздился на трибуну, как хищная птица».

(Исаак Дейчер)

Однако, несмотря на свои успехи, Троцкий долгое время не мог попасть в редколлегия «Искры». То есть войти в **фактическое** руководство РСДРП. Ленин и Мартов были за его включение. Однако этому противился Плеханов. Ну, не нравился ему Лев Давидович.

Возможно, основателя российского марксизма раздражала легковесность Троцкого. Плеханов-то являлся именно теоретиком.

Начало конфликта

Тем временем случилось событие, во многом определившее дальнейшую историю России. 30 июля-23 августа 1903 года сначала в Брюсселе, а после в Лондоне прошел II съезд РСДРП. На самом-то деле это был первый реальный сбор представителей партии. Первый съезд, как уже упоминалось, закончился ничем. А вот на II съезде всплыли противоречия. Главным предметом спора было – а какой мы хотим видеть партию?

Первый конфликт случился с представителями Бунда, еврейскими социал-демократами. Они видели партию как федерацию организаций, созданных по национальному признаку. Но ни Ленина, ни Плеханова это не устраивало. Они не понимали – зачем зачислять русских в одну структуру, евреев – в другую. И тут большую роль сыграл Троцкий. Он вместе с Мартовым выступил против этой светлой идеи. Поскольку и тот, и другой были евреями, то их выступления прозвучали эффектно. Заодно «искровцы» отменили «экономистов» – то есть умеренных, провозгласив курс на «диктатуру пролетариата». Однако главный конфликт разразился внутри самих искровцев. Формально разногласия возникли по поводу Устава. Ленин предложил формулировку:

«Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Мартов считал, что член РСДРП может и не работать в конкретной «первичке».

За этим, казалось бы, неважным разногласием стояли разные жизненные позиции.

Владимир Ильич мечтал о жесткой дисциплинированной структуре. В ней не было места «тусовщикам». Потому что именно такими и являлись члены партии «вообще». В итоге Ленин продал свою резолюцию. Но именно отсюда и пошел раскол между большевиками и меньшевиками. Как показала дальнейшая история, причины раскола заключались в различной психологии. Ленин и его сторонники собирались идти до конца. До победы. А его противников вполне устраивала перспектива выбить у правительства какие-то демократические свободы и играть роль «оппозиции его величества». А социализм... Когда-нибудь, когда для этого созреют соответствующие условия.

А что же Троцкий? Первоначально он поддерживал Ленина. Но внезапно, в самый разгар дискуссии перевернулся к его противникам.

Дальше – больше. Ленин выступил за «чистку» редколлегии «Искры». Формально это обосновывалось так. Редколлегия газеты состояла из шести человек: Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, Ю. О. Мартова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова. Первые трое писали на порядок больше статей, нежели остальные. Вот Ильич и предложил остальных вышибить. Это можно понимать как угодно – и как стремление Ленина к единоличной власти, и как желание убрать тех, кто реально не работает. Ведь члены редколлегии определяли политику газеты. Троцкий выступил решительно против ленинских предложений. Объяснения таким зигзагам позиции приводят разные. Но одно из них лежит на поверхности. Теоретически Лев Давидович выступал за дисциплинированную партию. Не зря ведь он увлекался масонами. Но, видимо, в процессе дискуссии Троцкий осознал: жесткая дисциплина коснется и его тоже. А **вот это** Троцкому никогда не нравилось. Дисциплину он не любил и не умел подчиняться ни тогда, ни впоследствии.

Имелось и еще одно обстоятельство. Троцкого уже в 1903 году куда больше интересовало европейское социал-демократическое движение. А большинство его лидеров были как раз умеренными. В Германии, Франции и Австро-Венгрии социалисты являлись легаль-

ными партиями, их вожди отнюдь не хотели менять свой статус – и лезть в революцию им было совсем ни к чему. Поэтому они поддержали меньшевиков.

Так, видный немецкий социалистический теоретик и общественный деятель Карл Каутский говорил члену РСДРП Лядову (М. Н. Мандельштаму): «Что вы хотите, мы вашего Ленина не знаем, он для нас человек новый. Плеханова и Аксельрода мы все хорошо знаем. Мы привыкли только в их освещении узнавать о положении вещей в России. Конечно, мы не можем поверить вашим утверждениям, что вдруг Плеханов и Аксельрод стали оппортунистами. Это нелепо».

Троцкий ушел в меньшевики. В сентябре 1903 года в Женеве было создано так называемое Бюро меньшинства, в числе которых был и Троцкий. Впоследствии к ним присоединился и Плеханов. Ленин был вынужден покинуть «Искру», его оттуда элементарно выжили. Началась грызня двух фракций социал-демократов. Формально партия не раскололась, но идейная война шла серьезная. Троцкий принял в ней активное участие.

«Троцкий, который все еще не успел доучить основы марксистской философии и еще два года назад опасавшийся, что Ленин и Плеханов будут его экзаменовывать по марксизму, теперь уверенно распекал Ленина за плохое владение диалектическим материализмом, замечая: „Диалектике нечего делать с тов. Лениным“. Троцкий обвинял Ленина в искажении марксистской теории: „И это марксизм! И это социал-демократическое мышление. Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно продемонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предьявить свою партийную совесть!“

Однако доказательства идейных ошибок Ленина Троцкий подменял художественным вымыслом. Так значительную часть его брошюры занял выдуманный им разговор „меньшевика“ с „большевиком“ в ходе которого последний проявлял удивительную глупость. При этом „большевик“ постоянно ссылался на „план Ленина“, изложенный им в брошюре „Что делать“ „Меньшевик“ же „остроумно“ сравнивал этот план с „планом генерала Трошю“ времен франко-прусской войны, который лишь усугубил разгром Франции. (Видимо, это сравнение очень понравилось Троцкому, потому что впоследствии он не раз использовал сравнение осуждаемых им планов с „планом Трошю“.)

Вместо доказательного разбора достоинств или недостатков ленинской работы Троцкий предлагал читателям заменить в ней слово „социал-демократ“ словосочетанием „социалист-революционер“. Он голословно уверял, что в этом случае никто не заметит подмены. Столь же голословно Троцкий утверждал, что подобные манипуляции с произведениями меньшевиков не пройдут – „обожжете пальцы“».

(Юрий Емельянов)

Однако особой дружбы с меньшевиками у Льва Давидовича тоже не вышло. В редколлегия «Искры» Троцкий так и не попал – Плеханов его не пропустил. В итоге Троцкий, хотя и не вышел из меньшевистской фракции, однако по факту от них отошел и оказался как бы сам по себе. Но это не слишком его беспокоило. Он носился уже с собственной теорией.

Революция навсегда

«Российский пролетариат, оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе».

(Л. Д. Троцкий)

Теория перманентной революции является своего рода «фирменным знаком» троцкизма. Но дело-то в том, что создал ее не Троцкий, а Парвус. Об этом человеке уже упоминалось. Он был темной личностью, совершенно беспринципным, по складу характера – авантюристом, любителем половить рыбку в мутной воде.

Однако никто не отрицает, что Парвус был талантливым человеком.

«Выходец из России Парвус (Гельфанд) – человек незаурядных способностей („слон с головой Сократа“), оказавшийся в Европе раньше Ленина, был связан с немецкой социал-демократией, деловыми и масонскими кругами Европы. Обладая бесспорными теоретическими способностями, которые он расходовал налево и направо как шахматист на сеансе одновременной игры (он был фактическим разработчиком троцкизма, идеи Великого Турана для Турции, а также в одной из своих статей в 20-е годы дал подсказку для гитлеровской „Майн Кампф“), он был заземленным человеком (если не сказать – человеком себе на уме). Он когда-то написал несколько статей для „Искры“, снискавших одобрение Ленина».

(Георгий Элевтеров)

Положение Парвуса было своеобразным. Среди немецких социал-демократов он считался специалистом по России. А среди русских являлся кем-то вроде советника от II Интернационала. Осенью Троцкий прибыл в Мюнхен по приглашению Парвуса и поселился в его доме.

«Лев Давидович Бронштейн-Троцкий получил от хозяина гораздо больше, чем просто гостеприимство. Их краткая, но очень интенсивная дружба была одним из важнейших событий в жизни Троцкого».

(З. Земан, В. Шарлау)

Именно в Мюнхене и была сформулирована знаменитая теория.

Собственно, ничего особо нового в ней не было. Еще Маркс и Энгельс призывали «делать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут отстранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти».

Суть в том, что по мысли отцов-основоположников революционный процесс, начавшись в одной стране, продолжится в другой, потом в третьей. То есть капиталистические страны начнут валиться одна за другой, как костяшки домино. Надо только постоянно на них давить.

Однако Парвуса интересовала не столько всемирная победа социализма. Куда больше его волновала идея экономической интеграции европейских государств. Впоследствии

Парвус сформулировал идею Соединенных Штатов Европы. Однако, как полагают некоторые авторы, это тоже было не целью, а скорее средством.

«Революция Парвуса была социально-экономической революцией против промышленного капитала Запада и против России в пользу мировых денег, устремившихся к мировому господству. Гитлеровцы называли себя „национал-социалистами“. Хозяев Парвуса можно было бы назвать интернационал-империалистами, хотя и те, и другие силы зла не имеют ничего общего ни с социальной справедливостью, ни с интернационализмом».

(Георгий Элевтеров)

И Россия должна была сыграть в этом деле важную роль.

«Всемирный процесс капиталистического развития ведет к политическим потрясениям в России. Это, в свою очередь, окажет воздействие на политическое развитие всех капиталистических стран. Русская революция потрясет буржуазный мир... А русский пролетариат может сыграть роль авангарда социальной революции».

(А. Парвус)

В этом отличие точки зрения Парвуса-Троцкого от меньшевиков. Последние как раз полагали: в России социалистическая революция долгое время будет невозможна, так как процент рабочих в стране очень мал.

Понимал ли Троцкий глубинную суть идей Парвуса? Возможно, и нет. Его увлекала именно идея перманентной социалистической революции. Россия же представлялась спичкой, которая разожжет. Вот характерный пассаж Льва Давидовича (выделено им. – *А. Щ.*).

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру».

Или еще.

«Если российский пролетариат, временно получивши в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его вынудит к этому европейская феодально-буржуазная реакция».

Троцкий даже нарисовал примерную схему, как могут развиваться события в случае мирового пожара: «Торжество революции в России означает неизбежно победу революции в Польше. Не трудно себе представить, что революционный режим в десяти польских губерниях русского захвата неизбежно поставит на ноги Галицию и Познань. Правительства Гогенцоллерна и Габсбурга ответят на это тем, что стянут военные силы к польской границе, чтобы затем перешагнуть через нее и раздавить врага в его центре – Варшаве. Ясно, что русская революция не сможет оставить в руках прусско-австрийской солдатчины свой западный авангард. Война с правительствами Вильгельма II и Франца-Иосифа станет при таких условиях законом самосохранения для революционного правительства России. Какое положение займет при этом германский и австрийский пролетариат? Ясно, что он не сможет оставаться спокойным наблюдателем контрреволюционного крестового похода своих национальных армий. Война феодально-буржуазной Германии против революционной России означает неизбежно пролетарскую революцию в Германии. Кому такое утверждение покажется слишком категорическим, тому мы предложим представить себе другое историческое

событие, которое более было бы способно толкнуть германских рабочих и германскую реакцию на путь открытого соразмерения сил».

Как видим, многие действия Троцкого как во время Гражданской войны, так и в двадцатых годах основывались на идеях, заявленных им еще в начале века.

Стоит отметить, что крестьян как общественную силу Троцкий вообще не воспринимал. Хотя крестьяне не только составляли подавляющее большинство населения Российской империи – у них были наиболее конкретные претензии к властям. Однако Троцкий их в упор не видел. По его представлениям русские рабочие, захватив власть, тут же займутся революцией в Европе.

Именно это формально и ставили ему в вину большевики. Хотя на самом деле это было чистой декларацией. До 1917 года никакие социал-демократы с крестьянами никак не работали. Впрочем, эсеры, объявившие себя крестьянской партией, с ними не работали тоже. Да и вообще – в России **никто**, ни левые, ни правые – не понимали, как решить аграрный вопрос. Когда Столыпин попытался это сделать, все впали в тихую панику – а вдруг он решит, что тогда нам останется? И когда столыпинская реформа провалилась, все вздохнули с облегчением.

Заодно Троцкий разработал и тактику восстания: «Отрывайте рабочих от машин и мастерских; выводите их через проходные ворота на улицу; направляйте их на соседние фабрики, объявляйте там стачку и ведите новые массы на улицу. Так, передвигаясь от фабрики к фабрике, от мастерской к мастерской, нарастая и сметая полицейские препятствия, выступая с речами и привлекая внимание прохожих, захватывая группы, которые идут в другую сторону, заполняя улицы, занимая первые попавшиеся здания, используя их для непрерывных революционных митингов с постоянно сменяемой аудиторией, вы внесете порядок в движение масс, поднимете их уверенность, объясните им цель и смысл событий, и таким образом вы превратите город в революционный лагерь – таков в целом план действий».

Возможно ли победить таким образом? Как-то не слишком верится. Но в конце-то концов, все эти теории – как Ленина, так и меньшевиков, и Троцкого – были плодами размышлений теоретиков-эмигрантов. В России дело обстояло вообще по-иному.

Логика революции

Между тем события в России приобретали все более серьезный оборот...

Вернувшегося после побега Иосифа Джугашвили встретили совсем не с восторгом. И в Тифлисе, и в Батуме он оказался никому не нужным. Причиной была обыкновенная грызня за власть. Новые люди, пришедшие за то время, когда Иосиф был в Сибири, хотели сами руководить. Тем более что руководителем Тифлисской организации была старый оппонент Иосифа И. И. Рамишвили. Он распорядился: не предоставлять беглецу никакой помощи по угрозой исключения из партии. Но ведь такое поведение надо как-то обосновать. Поэтому был запущен смутный слухок, что в Батуме появился полицейский агент. Такие слухи действуют убийно – в лицо-то «предъяв» Иосифу никто не кидал, а вот общаться с ним люди опасались. Кстати, эти слухи всплывали потом неоднократно – в том числе и после XX съезда, и в «перестройку». В качестве «доказательства» приводилась даже фотокопия некоего «документа», состряпанного человеком, понятия не имевшем о правилах жандармского делопроизводства. Но в описываемое время дело ограничилось лишь слухами. Интересно, что именно тогда будущий вождь познакомился с человеком, с которым впоследствии он будет долго то дружить, то бороться, – с Л. Б. Розенфельдом, более известным в истории как Каменев. Но от этого было не легче.

Причина отчуждения Иосифа Джугашвили была не только в амбициях отдельных лидеров. По нему ударил раскол между большевиками и меньшевиками.

Надо сказать, что идейные споры кипели только среди эмигрантов. На территории Российской империи отношения между двумя фракциями складывались по-разному. Были организации, которые строго следовали указаниям из-за границы. Имелись такие, где на раскол в верхах просто-напросто наплевали – и продолжали жить по старому. Были формально разделившиеся, на самом-то деле продолжавшие тесное сотрудничество. Но Закавказье выделялось даже на этом пестром фоне. Тут раскол произошел, но... по национальному признаку. Большевики оказались многонациональной организацией – тут были русские, грузины, евреи. А вот в меньшевиках оказались исключительно грузины. Недаром впоследствии, в 1918 году, эти ребята переродятся даже не в националистическую, а в шовинистическую партию.

Помимо всего прочего, нравы в Закавказье у борцов за народное счастье были веселыми. Это вам не споры Ленина с Мартовым. Так маевка в Батуме, состоявшаяся 1 мая 1904 года, закончилась большой дракой между представителями двух тенденций. Получил свое и Иосиф.

В общем, положение складывалось невеселое. Однако Джугашвили нашел выход. К этому времени в партии существовала промежуточная структура – Кавказский Союз РСДРП. Руководил им Союзный комитет во главе с весьма авторитетным товарищем – М. Г. Цхакая. Иосиф туда и обратился.

Нельзя сказать, чтобы его там встретили с распростертыми объятиями, – Иосифа серьезно проверяли. Но уже летом 1904 года он вместе с Каменевым вошел в упомянутый комитет. То есть стал одной из ключевых фигур в социал-демократическом движении на Кавказе. Причем в отличие от Троцкого, он не «прыгал через ступеньки».

В этом-то и заключалась принципиальная разница между двумя героями этой книги. Троцкий разглагольствовал о грандиозных планах восстания и о мировой революции, не организовав в жизни ни одной забастовки. Не называть же практической деятельностью его «игры в войнушку» в составе «Южно-Русского рабочего союза».

Иосиф Джугашвили знал это дело от и до. Именно в этот период он берет себе первый свой всемирно известный псевдоним – Коба. Вообще-то революционеры чаще всего

брали себе клички «от фонаря». Конечно, вокруг псевдонима Троцкого существует множество разных психологических выкладок – но это умствования на пустом месте. А вот с Иосифом Джугашвили все понятно. Он, являвшийся в юности поэтом, взял себе звучный литературный псевдоним, позаимствованный из повести «Отцеубийца» знаменитого грузинского писателя Александра Михайловича Казбеги (1848–1893). Герой романа Коба – это типичный для романтической литературы XIX века «благородный разбойник», защищающий обиженных, карающий зло и противостоящий «системе».

Между тем обстановка в Империи все более накалялась. Количество забастовок уже просто зашкаливало. А Кавказ и раньше был не самым спокойным регионом. А уж теперь началось.

13 января в Тифлисе прошла первая массовая демонстрация, которая закончилась грандиозной дракой с полицией и казаками.

Но даже на бурлящем Кавказе особым случаем являлся Баку. Обстановочка там была просто аховой. Этот город был центром нефтедобычи, а профессия нефтяника в те времена отнюдь не была высокооплачиваемой. Скорее, наоборот, на эту работу шли те, кому больше некуда было податься. Так что в Баку трудились пролетарии в самом точном смысле этого слова. То есть те, у которых не было даже цепей, которые можно потерять.

Кроме того, нефтяные магнаты, такие как Нобель, Ротшильд и Манташев, в конкурентной борьбе не брезговали никакими методами. Они финансировали не только социал-демократов и эсеров – чтобы те гадили конкурентам, но и откровенных бандитов, нападавших на чужие прииски.

Прибавьте к этому многонациональный состав населения.

В начале XX века в городе проживало: 215 тысяч жителей, из них:

русских, украинцев и белорусов – 76,3 тыс. (35,5 %);

кавказских татар (так называли азербайджанцев) – 46 тыс. (21,4 %);

армян – 42 тыс. (19,4 %);

персов – 25 тыс. (11,7 %);

евреев – 9,7 тыс. (4,5 %);

грузин – 4 тыс. (1,9 %);

немцев – 3,3 тыс. (1,5 %);

татар – 2,3 тыс. (1,1 %).

Так что можно представить, что там творилось. Особенно если учесть, что армяне и азербайджанцы терпеть друг друга не могли. Ведь общественный подъем обостряет все противоречия. И пока одни идут бороться за повышение зарплаты, другие – спешат громить соседей «не той» национальности.

В июне-июле 1903 года в Баку разразилась мощная стачка, в которой приняли участие около 200 тысяч человек. В декабре 1904 года начались кровавые межнациональные столкновения, получившие название армяно-татарской резни.

Одновременно начались и новые рабочие выступления.

13 декабря 1904 года полыхнуло на нефтяных промыслах. На этот раз влияние большевиков было уже куда более заметным. Появился лозунг «Долой царское правительство!». Конечно, это еще «не долой самодержавие!», но прогресс налицо. Как обычно, рабочие развлекались демонстрациями – а поскольку народ в Баку был горячий, то демонстрации заканчивались столкновениями с полицией... Словом, шла нормальная классовая борьба.

Делать было нечего, пришлось вступить в переговоры с бастующими. Рабочие добились 9-часового рабочего дня, а для ночных смен и буровых партий – 8-часового, 4-дневного ежемесячного оплаченного отдыха. (В тогдашней России ни о каком отпуске для рабочих речь не шла.) Но что самое главное – рабочие заключили **первый в России коллективный**

трудоу договор. А ведь требование заключения таких договоров являлось одним из главных в рабочем движении, сравнимыми лишь с требованием восьмичасового рабочего дня.

Чем дальше – тем больше. В 1905 году все уже пошло вразнос.

«Страна охвачена революционным безумием, и острее, чем где бы то ни было, это проявляется на Кавказе. В Баку снова резня, горят нефтепромыслы. Демонстрации становятся все ожесточеннее, завершаясь кровавыми столкновениями с казаками и городскими, в Тифлисе одна такая драка унесла жизни около 100 человек. В середине октября начинается повсеместное создание отрядов самообороны, или „красных партизан“. Стало так горячо, что даже большевики и меньшевики на время помирились».

(Елена Прудникова)

Иосиф Джугашвили принимал активное участие в создании вооруженных отрядов. Так, он руководил созданием «красных сотен» в Чиатурском марганцево-промышленном районе. Он же в качестве эмиссара Союзного комитета осуществлял курс руководства РСДРП на подготовку всероссийской политической забастовки. Которая и разразилась в России в октябре. Справедливости ради стоит отметить, что большевики были тут не самыми главными. В раскрутке этого мероприятия принимали участие весьма разные силы – и революционеры разных толков, и либералы. И цели у них были тоже очень разные. Но эффект был мощнейший. Достаточно сказать, что в продолжение стачки Николай II держал в Петергофе под парами всю яхту, готовясь удраить в любой момент. Его с большим трудом отговорили от этого шага. Вот как описывает это полковник А. Герасимов, на тот момент – начальник петербургского Охранного отделения: «Я высказался решительно против отъезда царя, решивши, что если царь уедет, то с династией в России навсегда будет покончено. Не будет центра, вокруг которого могли бы объединиться силы порядка, и революционные волны захлестнут столицу, а вместе с ней и всю Россию. Как не тревожно положение, надо оставаться. Если царь уедет, он уже не сможет вернуться».

Однако Закавказье было все-таки далекой провинцией. Основные события разворачивались в столице. И вот там-то появился Лев Давидович Троцкий.

На гребне волны

Неудачный состав военных и гражданских администраторов, не обладавших ни твердостью характера, ни инициативой, и с такой легкостью сдававших свои позиции, усугублялся тем обстоятельством, что, воспитанные всей своей жизнью в исконных традициях самодержавного режима, многие начальники были оглушены свалившимся им на головы Манифестом, устанавливающим новые формы государственного строя, в которых они поначалу не разобрались.

(Генерал А. И. Деникин)

17 октября 1905 года Николай II издал свой знаменитый манифест. Суть его была в следующем:

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в меру возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных

прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

Однако успокоения этот Манифест не принес. Если либералы в большинстве сочли, что они достигли, чего хотели, то радикальные социалисты были иного мнения. Ведь ни рабочим, ни крестьянам этот документ не давал ровным счетом ничего. Более того, Манифест расценили как слабость.

С октября 1905 года в некоторых городах стали создаваться параллельные структуры власти – Советы рабочих депутатов. Они образовывались на голой наглости, явочным порядком. Благо власти находились в полной растерянности.

Первым был создан Петербургский совет рабочих депутатов. Он возник 13 октября, то есть еще до опубликования Манифеста. В воззвании, принятом на первом заседании, говорится: «...В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определяют на долгие годы судьбу рабочего класса. Мы должны встретить эти события в полной готовности, объединенные нашим общим Советом»...

Точное название этой структуры: «Общегородской Совет Рабочих Депутатов гор. Петербурга». Предполагалось, что в нее должен входить один депутат от 500 рабочих. Хотя на самом деле эти нормы были достаточно условны. Всего же в Совет входило 562 депутата от 147 предприятий, 34 мастерских и 16 профсоюзов. Очень интересна профессиональная принадлежность депутатов: 351 – металлисты, 57 – текстильщики, 32 – печатники. То есть большинство было представителями квалифицированных и высокооплачиваемых рабочих профессий.

Политические пристрастия распределялись так: 65 %, социал-демократов, 13 % эсеров, 22 % беспартийных. Между эсдеками не существовало единства. Причем разница взглядов не определялась приверженностью к теориям эмигрантских кланов большевиков и меньшевиков. Различие заключалось в степени радикализма каждого конкретного товарища. Ввиду разброса взглядов председателем Совета стала компромиссная фигура – беспартийный Г. С. Хрусталева-Носарь.

И вот в этой структуре заместителем председателя оказался Л. Д. Троцкий. Впрочем, на территории Российской империи он появился гораздо раньше. В феврале 1905 года Троцкий прибыл в Киев, по документам прапорщика Арбузова. Некоторое время он находился в подполье – и в это время активно контактировал с Леонидом Борисовичем Красиным. Этот человек, прозванный «инженером революции» также в какой-то мере является «соединительным звеном» между двумя героями этой книги. Красин и в самом деле являлся инженером-электротехником. Он руководил строительством электростанции в Баку. Именно на этом строительстве Красин организовал знаменитую подпольную типографию «Нина», которая печатала «Искру» и ряд других революционных изданий. При этом Красин устроил на работу на стройку большое число революционеров – в том числе и будущего тестя Сталина Сергея Яковлевича Аллилуева.

Примечательно, что типография, оборудованная по последнему слову техники, так и не была раскрыта. Уже в 1905 году она переместилась в Выборг и после Манифеста приобрела легальный статус. Кроме того, Красин отлично умел выбивать деньги на партийные нужды – в том числе и из бакинских миллионеров. Разумеется, Коба в Баку с ним неоднократно встречался.

С начала 1905 года товарищ Красин возглавлял Боевую техническую группу (БТГ) при Петербургском комитете РСДРП, в задачу которой сперва входило издание партийной лите-

ратуры, а потом – подготовка вооруженного восстания. В рамках этой деятельности Красин активно закупал оружие и боеприпасы и создавал боевые отряды. Что же касается политических взглядов Красина, то они были типичны для «технарей»: «Надоели ваши фракционные споры, надо революцию делать!» Так он последовательно выступал против дрызг большевиков и меньшевиков.

Троцкий прибыл в Петербург 15 октября. Вскоре приехал и Парвус. И тут же Троцкий занялся любимым делом – произнесением речей. Так в день публикации Манифеста Лев Давидович очень эффектно выступил на заседании Совета:

– Граждане! Наша сила – в наших руках. С мечом в руке мы должны защитить свободу. А царский Манифест – смотрите! – это лишь клочок бумаги.

«Театральным жестом он помахал Манифестом перед толпой и яростно смял его в своем кулаке. „Сегодня он дает нам свободу, а завтра отберет ее и разорвет в клочья, как сейчас я рву в клочья эту бумажную свободу перед вашими глазами“».

(Исаак Дейчер)

Деятельность имела успех. Троцкий вошел в Исполком Совета от... фракции меньшевиков. Одновременно Троцкий на пару с Парвусом занялся активной издательской деятельностью. К этому времени большевики уже легально издавали газету «Новая жизнь». Примечательно, что редактором был поэт и теоретик символизма (!) М. Н. Минский, издательницей – жена Максима Горького актриса М. Ф. Андреева. Газета имела тираж 80 тысяч экземпляров.

Парвус большевиков переплюнул на раз. Совместно с Троцким он арендовал небольшую «Русскую газету» и, по словам И. Дейчера, «превратил ее в популярный орган воинствующего социализма». Издание взлетело как ракета. За несколько дней тираж газеты скакнул с 30 тысяч до 100, а вскоре и вовсе вырос до **полумиллиона**. Даже для бурного революционного времени это был невероятный успех. Могли бы печатать и больше, но **техника не справлялась** с удовлетворением потребностей читателей. Я, профессиональный журналист, могу только снять шляпу. Парвус, конечно, был той еще сволочью. Но работать-то он умел.

Секрет был прост. «Русская газета» являлась типичной, как тогда говорили, «газетой-копейкой». То есть изданием, журналисты которого умели писать для массового читателя. Парвус добавил революционных идей – и акулы пера стали выдавать на гора доступные и понятные всем статьи.

Главным делом Совета была подготовка вооруженного восстания в столице. Троцкий заявлял: «События работают на нас, и нам не надо ускорять их темп. Мы должны растянуть период подготовки для решающего действия насколько мы можем, скажем, на месяц или два, пока мы не создадим такую спаянную и организованную армию, какую только возможно».

Вообще-то восстание в Санкт-Петербурге являлось чистой авантюрой. Город был буквально забит гвардейскими частями, в которых никакого влияния у революционеров не имелось. Это были совсем не моряки, уже тогда имевшие склонность бунтовать. Но вот очень хотелось...

И тут снова начинаются загадки. Что получалось? Беглый ссыльный направо и налево произносит пламенные речи. Установить его личность Охранному отделению никакого труда не составляло. Но... Работники охраны делают вид, что так и нужно. Начальник этой структуры полковник Герасимов в своих мемуарах это странное обстоятельство обходит стороной. Получается – то ли сами жандармы тоже играли в какие-то непонятные игры, то ли их начальники...

Тем не менее, 26 октября руководство Петербургского Совета во главе с Г. С. Хрусталевым-Носарем арестовали. А вот Троцкого среди арестованных не оказалось. На следующий день было избрано временное председательское бюро из трех человек. Лев Давидович был одним из них.

Однако стало понятно, что надежды на дальнейшее обострение обстановки не оправдываются. Всеобщая забастовка прекратилась, да и вообще, многие рабочие решили не гнать события, а поглядеть, как пойдет дальше.

И тут отличился Парвус. По его инициативе Совет провозгласил так называемый «Финансовый манифест». Там указывалось, что «самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий. Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом».

А потому:

«Следует отказаться от амортизационных выплат, так же как и вообще от всех выплат в пользу государства. При заключении любых сделок, включая заработной платы, оплата должна производиться золотом, а в случае, если сумма не превышает 5 рублей, полновесной монетой. Все депозиты должны быть отозваны из сберегательных банков и из государственного банка и выплаты должны производиться золотом».

По сути, это БЫЛА попытка повалить финансовую систему страны. И кое-чего Парвус добился.

В постановлении Государственного совета России за 1905 год по поводу «Финансового манифеста» сказано: «Среди населения возникла беспрецедентная в истории нашего государственного кредита паника, вызванная этим преступным воззванием и сопутствующему ему противоправительственную агитацией крайних партий: истребование вкладов из государственных касс приняло стихийный характер и выразилось к концу отчетного года в громадной цифре 148 с лишком миллионов. Одновременно с сим значительно увеличилось требования производства платежей золотом и весьма возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капиталов за границу».

Можно спорить о политических мотивах данной акции, но то, что это была прежде всего финансовая афера, – сомневаться не приходится. Как всегда – самые удачные аферы делаются во время революций...

Но вот тут-то ребята зарвались. 3 декабря 1905 года полиция дождалась очередного заседания, которое проходило в здании Вольно-экономического общества на Забалканском (Московском) проспекте. Потом здание окружили и повязали всех присутствовавших. Арестовали 190 человек. Одновременно была закрыта и газета «Новая жизнь». В числе арестованных был и Троцкий. А вот Красин сумел уйти. Парвус некоторое время скрывался и даже пытался возродить Совет, но взяли и его. Парвуса арестовали в апреле 1906 года.

Лев Давидович снова оказался за решеткой. Сначала его поместили в «Кресты», затем перевели в Петропавловскую крепость, после – в Дом предварительного заключения и под конец – в пересыльную тюрьму.

Суд начался 19 сентября 1906 года. Это был именно нормальный суд, а не Особое совещание. Троцкий не был бы собой, если бы не стал на заседании ораторствовать.

«Какое бы значение ни имело оружие, не в нем, господа судьи, великая сила. Нет! Не способность массы убивать других, а ее великая готовность умирать – вот что, господа судьи, с нашей точки зрения, определяет победу народного восстания».

Кроме того, обвиняемые пытались «перевести стрелки» – они стали обвинять правительство в организации еврейских погромов, прокатившихся в 1905 году по Югу России. Но не вышло. В итоге Троцкий и другие 13 членов Совета были осуждены на пожизненную ссылку в село Обдорское на Оби.

Однако до места ссылки Лев Давидович не доехал. 12 февраля 1907 года караван из саней со ссылными достиг города Березова – того самого, куда в 1728 году сослали Александра Даниловича Меншикова. Там Троцкий симулировал радикулит, и его оставили в больнице. Дальше уже было проще – благо у Льва Давидовича имелись с собой припрятанные фальшивый паспорт и некоторое количество золотых червонцев. По его словам, монеты он спрятал в каблуках ботинок.

Хотя, скорее всего, дело было не в такой уж ловкости Троцкого. Обстановка в стране продолжала оставаться нестабильной, никто не знал, чем все закончится. Так что к политическим жандармам относились очень предупредительно. В самом деле – а вдруг он завтра министром станет?

Так что Троцкий убег, благополучно добрался до Петербурга, откуда подался в Финляндию. А это уже была наполовину заграница. Российские правоохранительные органы действовать там не имели права, они должны были обращаться к местной полиции, а та не спешила реагировать. Еще бы!

«Гельсингфорский полицмейстер был... революционный финский националист. Он обещал предупредить меня в случае какой-нибудь опасности со стороны Петербурга».

(Л. Д. Троцкий)

Вскоре Лев Давидович перебрался в Швецию. Парвус очутился в Европе еще раньше – он сбежал из Енисейска (город в 270 километрах севернее Красноярска).

Описанные события принесли Троцкому значительные политические дивиденды. Ведь до этого он был всего лишь одним из революционеров-теоретиков, которых в эмиграции обреталось множество. А теперь во время дискуссий он мог «рвать тельняшку» – дескать, я-то стоял во главе реальной революционной структуры, и не вам меня учить, как революцию делать! А ведь первая русская революция была на Западе чрезвычайно популярна. Причем ее «пиарили» как убежденные люди левых взглядов, так и «заклятые друзья» нашей страны.

Стоит упомянуть еще об одном. О своем пребывании Лев Давидович выпустил книгу «Туда и обратно». Это были записки о его приключениях – и только. А вот Ленин или Сталин, оставившие многотомные собрания сочинений, **ни одной работы** не написали «просто так». Все их тексты написаны по конкретному политическому поводу, даже философские ленинские изыски. По одной простой причине. Ленина и Сталина интересовала прежде всего политическая борьба. А Троцкого – **собственная роль** в этой борьбе.

Террорист и политик

Между тем революция в России продолжалась. В декабре 1905 года произошло знаменитое Московское вооруженное восстание. Оно началось в значительной степени стихийно, а потому было отвратительно организовано. Однако подавить его сумел только присланный из столицы лейб-гвардии Семеновский полк. Московские воинские части воевать с повстанцами откровенно не хотели, они только изображали боевые действия.

Между тем восстания вспыхивали и в других городах.

«Вдоль Великого Сибирского пути образовались самозванные „комитеты“, „советы рабочих и солдатских (тыловых) депутатов“ и „Забастовочные комитеты“, которые захватывали власть. Сама Сибирская

магистраль перешла в управление „смешанных забастовочных комитетов“, фактически устранивших и военное, и гражданское начальство дорог.

Официальные власти растерялись. Во Владивостоке комендант крепости, ген. Казбек, стал пленником разнузданной солдатской и городской толпы. В Харбине начальник тыла, ген. Надаров, не принимал никаких мер против самоуправства комитетов. В Чите военный губернатор Забайкалья, ген. Холщевников, подчинился всецело комитетам, выдал оружие в распоряжение организуемой ими „народной самообороны“, утверждал постановления солдатских митингов, передал революционерам всю почтово-телеграфную службу и т. д. Штаб Линевича, отрезанный рядом частных почтово-телеграфных забастовок от России, пребывал в полной прострации, а сам главнокомандующий устраивал в своем вагоне совещание с забастовочным комитетом Восточно-китайской железной дороги, уступая его требованиям...»

(Генерал А. И. Деникин)

В некоторых местах революционеры сумели захватить власть. Таким местом, к примеру, являлась «Красноярская республика». Она существовала с 6 декабря 1905 по 3 января 1906 года. Власть в городе захватил Объединенный совет рабочих и солдатских депутатов, в котором заправляли большевики А. А. Рогов, К. В. Кузнецов, И. Н. Воронцов. Совет фактически взял в городе власть. Солдаты рабочих поддержали. Правда, что делать, оказавшись у власти, Совет не знал. Так что в итоге восстание было подавлено.

В Ростове рабочие дружины вели бои с войсками с 13 по 20 декабря 1905 года. В Екатеринославе (Днепропетровске) вообще – с 8 до 27 декабря.

Возникли самоуправляемые территории и на селе – оттуда были выгнаны все представители власти, крестьяне стали решать свои дела сами. Так Маковская республика под Москвой продержалась до конца 1906 года.

Кроме того, именно на 1906 год приходится пик терроризма. Причем терроризма совершенно оголтелого. Боевики Партии социалистов-революционеров фактически вышли из-под контроля своего руководства, и каждая группа или даже отдельные члены решали – куда и в кого стрелять. Кроме того, появилась и Партия социалистов-революционеров максималистов. Активизировались анархисты. И те и другие являлись уже полными отморозками.

Что ж удивляться, что горячих кавказских социал-демократов тоже стало заносить на этот скользкий путь. Так, тифлисские эсдеки приговорили к смерти начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Грязнова. Руководил подготовкой теракта Иосиф Джугашвили. 16 января 1906 года Грязнов был убит. Есть сведения, что Коба разрабатывал и план вооруженного восстания. Так, есть свидетельства о его «штабных играх». Находясь на одной из квартир, Иосиф взял солдатиков сына хозяйки и передвигал их по плану города.

Однако самой знаменитой акцией Иосифа Джугашвили было ограбление Тифлисского банка, случившееся 13 июня 1907 года. Непосредственно в «экспроприации» Коба не участвовал, он только ее разработал. Ею руководил Семен Аршакович Тер-Петросян, более известный по кличке Камо.

«13 июня 1907 года, в 10.30 утра, кассир и счетовод тифлисского отделения Государственного банка получили присланные из Петербурга деньги и повезли их в банк на фаэтоне под сильным казачьим конвоем. В центре города с крыши дома князя Сумбатова в процессию полетела бомба, еще несколько бомб бросили оказавшиеся поблизости боевики. Впоследствии писали: взрывы были такой силы, что погибли около пятидесяти человек, не считая раненых, но, по правде сказать, верится в

это слабо. Кони, запряженные в фаэтон, остались целы. Кассир и счетовод тоже не пострадали – их всего лишь выбросило взрывом из фаэтона (а может статься, они и сами оттуда выпрыгнули – кому охота получить пулю, защищая казенные средства). Целью взрывов было не разнести полгорода и не перебить кучу народа, а всего лишь нейтрализовать конвой, и эта цель была достигнута – от взрыва и суматохи казачьи лошади стали беситься, конвой рассеялся, ошалевшие кони понесли фаэтон через площадь. На другом ее конце высокий прохожий бросил еще одну бомбу прямо под ноги лошадям. С проезжавшей мимо извозчицей пролетки соскочил какой-то офицер, выхватил из разбитого фаэтона мешок с деньгами и умчался прочь».

(Елена Прудникова)

Правда, ничего толкового из этого ограбления не вышло. Большая часть денег была в пятисотрублевых кредитных билетах – их номера были известны и сообщены по всем банкам, в том числе и иностранным. Так что воспользоваться деньгами не удалось. При попытке их разменять несколько большевиков были арестованы за границей. В результате основную массу денег пришлось уничтожить.

Но это случилось позже. А по поводу ограбления в РСДРП вышел громкий скандал. К этому времени Коба был известен в кругах руководства партии (об этом – ниже). Так что члены ЦК РСДРП потребовали от Кавказского комитета разобраться. Те и разобрались – благо Джугашвили и его подельщики перед «акцией» вышли из партии. Это было сделано для того, чтобы в случае чего эсдеки могли заявить: а мы тут ни при чем, это какие-то независимые отморозки. Так что для санкций и делать ничего не надо было – просто подтвердить, что в РСДРП эти ребята не числятся. Однако есть сведения, что ограбление было изначально согласовано с Лениным. Так что Коба перебрался из Тифлиса в Баку и там без лишнего шума восстановился в партии.

Конечно, можно повозмущаться такими разухабистыми методами. Но я не стану этого делать. К этому времени в Закавказье всеми сторонами было пролито столько крови, что никого это не ужасало. Революционеры рассуждали так: а почему войска могут стрелять в безоружных бастующих рабочих, а мы должны придерживаться мирных методов? Тут уж было не до высокоморальных рассуждений. На войне как на войне.

Вот образец творчества Джугашвили времен первой русской революции (курсив его. – А. Щ.).

«Да, товарищи, до основания колеблется трон царского правительства! Правительство, которое нагребленные с нас налоги раздает на жалованье нашим же палачам – министрам, губернаторам, уездным и тюремным начальникам, приставам, *жандармам и шпионам*; которое взятых у нас солдат – наших братьев и сыновей – заставляет проливать нашу же кровь; которое всячески поддерживает помещиков и хозяев в их повседневной борьбе с нами; которое сковало нас по рукам и ногам и довело до положения бесправных рабов; которое наше человеческое достоинство – нашу святая святых – зверски попрало и осмеяло, – именно это правительство шатается теперь и теряет почву под ногами!

Пора отомстить! Пора отомстить за славных товарищей, зверски убитых царскими башибузуками в Ярославле, Домброве, Риге, Петербурге, Москве, Батуме, Тифлисе, Златоусте, Тихорецкой, Михайлове, Кишиневе, Гомеле, Якутске, Гурии, Баку и других местах! Пора потребовать от него отчета за тех ни в чем не повинных несчастных, которые десятками тысяч погибли на полях Дальнего Востока! Пора осушить слезы их жен и детей! Пора потребовать от него ответа за те страдания и унижения, за те позорящие людей цепи, в которые оно с давних времен заковало нас! Пора покончить с царским правительством и рассчитать себе путь к социалистическим порядкам! Пора *разрушить* царское правительство!

И мы *разрушим* его.

Наша кровная обязанность – быть готовыми к такому моменту. Так будем же готовиться, товарищи! Давайте сеять доброе семя в широких массах пролетариата. Протянем друг другу руки и *сплотимся вокруг партийных комитетов!* Мы не должны забывать ни на одну минуту, что *только партийные комитеты могут достойным образом руководить нами, только они осветят нам путь в „обетованную землю“,* называемую социалистическим миром! Партия, которая открыла нам глаза и указала на врагов, которая организовала нас в грозную армию и повела на борьбу с врагами, которая в радости и горе не покидала нас и шла всегда впереди нас, – это Российская социал-демократическая рабочая партия! Она же будет руководить нами и впредь, только она!

Учредительное собрание, избранное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, – вот за что мы должны бороться теперь!

Только такое собрание даст нам демократическую республику, крайне нужную нам в нашей борьбе за социализм.

Так вперед же, товарищи! Когда царское самодержавие колеблется, наша обязанность готовиться к решительному натиску! Пора отомстить!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Однако Иосиф Джугашвили являлся не только организатором забастовок и террористом. Таких-то людей было тогда немало. Как немало имелось и революционеров-теоретиков. А вот Коба умел и то, и другое.

«С самого начала, с семинарского кружка Иосиф серьезно и упорно изучал марксизм и постепенно становился если и не теоретиком, то крупнейшим на Кавказе истолкователем теории Маркса – спасибо семинарскому образованию, это он делать умел! Ко времени, о котором идет речь, он уже был известен и за границей. Примерно в 1903 году состоялось заочное знакомство с Лениным, который услышал об Иосифе от одного из его друзей, в то время находившегося в Берлине. В конце 1903 года, уже в Сибири, Иосиф получил письмо Ленина, которое тщательно, несколько раз перечитал и по старой конспиративной привычке сжег – потом он долго не мог себе этого простить.

Ленинские работы Иосиф читал все. Его поражало, как этот человек умеет излагать свои мысли. „Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело – когда каждая фраза не говорит, а стреляет“, – писал позднее Сталин. В то время он преклонялся перед Ильичом до такой степени, что его в насмешку называли „левой ногой Ленина“. И вот в декабре 1905 года на партийной конференции в финском

городе Таммерфорсе они наконец познакомились. Правда, Иосиф был несколько разочарован внешним видом вождя, тем, что „горный орел нашей партии“ оказался отнюдь не богатырем-великаном, а человеком весьма и весьма среднего роста. Коба и сам был не великаном, но он ведь не „горный орел партии“, а всего лишь подмастерье революции – так он позднее определил свой профессиональный уровень того времени.

Однако как бы он сам себя ни оценивал, на этой конференции, первом в своей жизни чисто политическом мероприятии, Иосиф сразу же заявил о себе как о думающем политике и крупном партийном деятеле. Он обратил на себя внимание, рассказывая о положении дел на Кавказе. По тому, как он владел информацией, как излагал ее, видно было, что это человек серьезный – и если не формально, то фактически он показал себя крупным политиком, хотя и работал пока в масштабе своей карликовой партии. И, что было для него еще важнее, они сразу нашли общий язык с Лениным – оказалось, что эти двое смотрят на происходящее одними глазами. С тех пор Иосиф делит свое время между текущей партийной работой и заграничными поездками, поскольку после событий 1905 года ЦК прочно прописался в эмиграции».

(Елена Прудникова)

После бури

Уже к середине 1906 года стало понятно, что революция идет на спад. Нет, крестьянские восстания и террористические акты эсеров, максималистов и анархистов продолжались аж до 1908 года. Но было очевидно: пожар догорает. И перед революционными партиями, в том числе и перед РСДРП встал вопрос: что делать?

Первая встреча

Для начала большевики и меньшевики попытались объединиться. 23 апреля-8 мая 1906 года в Стокгольме состоялся IV съезд РСДРП, получивший имя «объединительного». Формально партия снова стала единой, но это было всего лишь декларацией. Слишком далеко разошлись взгляды. Ленин и другие большевики полагали: надо перегруппировать силы, проанализировать допущенные ошибки и готовиться к новым боям. А вот меньшевиков как-то снова в бой не тянуло. Нет, они не высказывались за полный отказ от подпольной борьбы. Но склонялись к принципу «потихоньку-помаленьку». Очевидно, что надежда была на царское правительство, которое со временем даст им возможность заниматься легальной борьбой за права рабочих. Кстати, П. А. Столыпин через несколько лет из всех сил пробивал «рабочие законы» – но жадность предпринимателей даже он не смог преодолеть.

В такой обстановке в Лондоне 13 мая-1 июня 1907 года прошел V съезд РСДРП. Это было последнее совместное мероприятие, в котором участвовали большевики и меньшевики. Для темы нашей книги интересно то, что на этом съезде присутствовали как Лев Троцкий, так и Иосиф Джугашвили (под псевдонимом Иванов). Коба прибыл как делегат от Тифлисской организации. (Напомню, что съезд состоялся до знаменитого ограбления.) Впрочем, среди 342 делегатов он особенно не выделялся, тем более что присутствовал на вторых ролях – всего лишь с правом совещательного голоса.

Куда интереснее было положение Троцкого. Дело в том, что он представлял самого себя. Как мы помним, Иосиф Давидович последовательно порвал как с большевиками, так и с меньшевиками. А ведь партийный съезд – это не тусовка в ночном клубе, куда пускают всех желающих. А тем более – далеко не всем дают выступать. Но здесь Льву Давидовичу сильно помогла его известность как одного из руководителей Петербургского Совета. Да и его выступление на суде запомнилось... В общем, обе фракции были отнюдь не против того, чтобы Лев Давидович влился в их ряды. Скорее, даже наоборот – и большевики, и меньшевики хотели переманить его к себе. Так, Ленин заявил: «Несколько слов о Троцком. Остановившись на наших разногласиях с ним мне здесь некогда. Отмечу только, что Троцкий в книжке „В защиту партии“ печатно выразил свою солидарность с Каутским, который писал об экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции в России. Троцкий признавал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о „непрерывной революции“ здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям».

Если это перевести с политического сленга на нормальный русский, то получается: хотя мы с товарищем Троцким и не во всем согласны, но договориться-то можно...

Меньшевики придерживались схожей точки зрения.

С другой стороны, многие участники съезда полагали – Троцкий сможет выступить как примиритель. Ведь это лидеры фракций тянули на раскол, а многим партийцам было совершенно непонятно, зачем ссориться в такой непростой период.

В итоге Троцкому предоставили аж 15 минут для речи – что было много, другим давали по две минуты. И тут выяснилось – Лев Давидович претендует на роль лидера собственного течения. Он заявил: «Во избежание недоразумений я должен заявить, что в политических вопросах, разделяющих партию, я отнюдь не стою на какой-то специальной точке зрения „центра“, как приписывают мне некоторые товарищи. Позиция центра, на мой взгляд, предполагает ясное и твердое сознание необходимости компромисса как предпосылки общеобязательной тактики. Но если я сознаю и подчеркиваю необходимость компромисса, то это не значит, что моя собственная точка зрения на данный политический вопрос составлена путем компромисса, путем выведения арифметического среднего из двух противоречивых мнений».

Вы что-нибудь поняли? Вот и большинство делегатов тоже не поняли. Хотя из дальнейшего позиция Льва Давидовича стала понятнее: «Я решительно претендую на право иметь по каждому вопросу свое определенное мнение... Я сохраняю за собой право со всей энергией отстаивать свой собственный взгляд».

Правда, он так внятно и не объяснил – а в чем этот «собственный взгляд» состоит? В итоге у Троцкого не вышло сыграть на съезде сколько-нибудь значительную роль. Большинство делегатов проголосовали за большевистские резолюции – так что по факту снова произошел раскол (хотя формально партия разделилась лишь в 1912 году). Единственным объединяющим звеном осталась газета «Социал-демократ», которую продолжали издавать совместно.

Со Львом Давидовичем так будет случаться нередко. И тогда, и впоследствии Троцкого не раз подводило упоение собственным красноречием. Подобно глухарю на току, он так увлеклся произнесением речи, что действовал во вред себе. Здесь же проявилась и еще одна черта Льва Давидовича – стремление во что бы то ни стало предложить оригинальную точку зрения. Это к тому, что он имел «богемный» тип характера. Для творческого человека стремление выделиться, обратить лично на себя внимание – совершенно нормальное дело. Но политика – это сугубо коллективный род человеческой деятельности. И уж тем более – тут не приветствуется стремление быть оригинальным ради оригинальности.

А товарищ Коба выпендрежа не терпел никогда. Вот и на V съезде он не оценил ораторских способностей Троцкого. В газете «Бакинский пролетарий» Иосиф Виссарионович написал подробный отчет о съезде. Там он впервые упомянул и своего будущего соперника и дал ему очень едкую характеристику (выделено мной. – *А. Ш.*): «Что же касается течений, наметившихся на съезде, то надо заметить, что формальное деление съезда на 5 фракций (большевики, меньшевики, поляки и т. д.) сохранило известную силу, правда, незначительную, только до обсуждения вопросов принципиального характера (вопрос о непролетарских партиях, о рабочем съезде и т. д.). С обсуждения вопросов принципиальных формальная группировка была фактически отброшена и при голосованиях съезд обыкновенно разделялся на 2 части: большевиков и меньшевиков. Так называемого центра, или болота, не было на съезде. **Троцкий оказался „красивой ненужностью“».**

Так закончилась первая встреча героев этой книги. Товарищ Коба вернулся на Кавказ, где продолжил свою деятельность. Троцкий остался в Европе.

А вот у Льва Давидовича с деятельностью вышло неважно... Ведь и среди меньшевиков он не занял сколько-нибудь видного места. Так что на некоторое время он отошел от российских дел и стал общаться, в основном, с европейскими социалистами. Было бы понятно, примкни он к каким-нибудь тамошним радикалам. В конце концов, революция-то мировая. Что там, что здесь – какая разница?

Так ведь нет. Троцкий стал общаться с очень и очень умеренными товарищами.

«К удивлению, Троцкий установил наиболее близкие связи не с радикальным крылом германского социализма во главе с Розой Люксембург,

Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом, будущими основателями Коммунистической партии, а с людьми из центра, которые поддерживали видимость марксистской ортодоксальности, но на самом деле вели партию к капитуляции перед империалистическими амбициями империи Гогенцоллернов».

(Исаак Дейчер)

Тут надо пояснить. На Западе существовало мощное движение социал-демократов, которые были совсем не революционерами, они имели легальный статус и были готовы вписаться в государственную систему на роль конструктивной оппозиции.

Троцкий с семьей поселился в Вене. Причем жил он куда лучше, нежели большинство эмигрантов. У Льва Давидовича был богатый папа, который продолжал ему помогать.

«У него была трехкомнатная квартира на Родлергассе, в пяти минутах ходьбы от венского предместья Гринцинг, славившегося своими ресторанчиками и виноградниками, где любили проводить свободное время жители австрийской столицы. Судя по его мемуарам, супруги были довольны жизнью в Вене».

(Юрий Филимонов)

В это время Троцкий занялся легальной журналистикой. Причем писал... в либеральную российскую газету «Киевская мысль». Впрочем, в местных изданиях он печатался тоже – в органах германской социал-демократической партии «Форвертс» и «Нейе Цайт» и газете бельгийских социалистов «Ле Пепль». Это были вполне уважаемые издания.

Что же касается России, то в отношении к ней Троцкого сквозило откровенное презрение. Вот ряд цитат, очень напоминающих высказывания представителей нашей современной либеральной интеллигенции.

«Если сравнивать общественное развитие России с развитием европейских стран, взяв у этих последних за скобки то, что составляет их наиболее сходные общие черты и что отличает их историю от истории России, то можно сказать, что основной чертой русского общественного развития является его сравнительная примитивность и медленность... Русская общественность складывалась на более первобытном и скудном экономическом основании».

«Новые отрасли ремесла, машины, фабрики, крупное производство, капитал представляются – с известной точки зрения – как бы искусственной прививкой к естественному хозяйственному стволу».

«С этой точки зрения можно... сказать, что вся русская наука есть искусственный продукт государственных усилий, искусственная прививка к естественному стволу национального невежества».

«Русская культура является лишь имитацией лучших образцов мировой культуры».

«В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами сложились драгоценные навыки к самоуправлению, и там выросла человеческая личность – конечно, буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить... Какое жалкое дворянство наше! Где его замки? Где его турниры? Крестовые походы, оруженосцы, менестрели, пажи? Любовь рыцарская? Тысячу лет жили в низеньком бревенчатом здании, где щели мохом законопачены, – ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках?»

«Русская интеллигенция лишь имитировала Запад, принимая готовые системы, доктрины и программы. История нашей общественной мысли до сих пор не смогла даже прикоснуться к развитию всеобщей человеческой мысли».

Однако Лев Давидович быстро понял, что жить в стороне от российских дел не получится. Честолюбие-то куда девать? Выбиться в лидеры австрийских социал-демократов ему

не светило – там хватало своих товарищей. А быть на подхвате у Парвуса ему явно надоело. Приходилось вновь обращать внимание на «варварскую Россию». К тому же оказалось, что на лидера самостоятельного течения Троцкий откровенно не тянет. Он обломился на самом первом шаге. Группа русских социал-демократов предложила ему наладить издание газеты «Правда» (разумеется, не той, знаменитой). Ничего толкового у Троцкого не вышло. За год он сумел выпустить всего лишь пять номеров, о распространении и речи не шло. Так что пришлось ему возвращаться к меньшевикам...

Человек, работавший в России

Профессиональные революционеры-подпольщики обычно недолго гуляли на свободе. Охранка, при всех ее недостатках, работать умела. Вот и Иосиф Джугашвили снова попался в марте 1908 года. Попался вроде бы случайно – угодил в полицейскую облаву. Но с другой стороны – для того-то подобные облавы и проводили. Интересно, что Коба оказался в камере, где уже на тот момент сидели Серго Орджоникидзе и будущий Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский. Во какая компания.

Однако, хотя жандармы отлично знали, с кем имеют дело, ничего предъявить Кобе не смогли. А ведь если бы всплыли террористические развлечения Иосифа Виссарионовича – он в лучшем случае поехал бы на каторгу. А то и познакомился бы со «столыпинским галстуком».

Тогда с террористами не церемонились. Но Кобе сумели вменить только побег из ссылки. И его снова отправили в ссылку на два года. Только вот почему-то не в Сибирь, а в Вологодскую губернию, в город Сольвычегодск (сейчас он входит в состав Архангельской области). До ближайшей железной дороги было... 16 километров. Причем это была не какая-нибудь глухая ветка, а одна из главных транспортных артерий страны – Сибирская железная дорога.

По сравнению с сибирскими масштабами такая ссылка – это вообще несерьезно. Неужели было непонятно, что человек, ушедший из Сибири, сбежит и отсюда? Тем более что имелась возможность драпануть сразу за границу – через Архангельск. К примеру, Борис Савинков, находившийся в ссылке в Вологодской губернии в 1903 году, сбежал именно таким путем⁹. Вот и пойми после этого логику царских правоохранительных органов.

Сольвычегодск был интересным городом – ссыльных там было не много, а очень много. Они составляли чуть ли не четверть населения города.

То, что Иосиф не сбежал сразу, объясняется неважным состоянием его здоровья. По большому счету он использовал ссылку как отдых в деревне¹⁰ от революционных трудов. Когда Коба решил, что отдыхать хватит, то наострил лыжи. Деньги ему собрали ссыльные, причем для того, чтобы у них не было потом неприятностей, дело обставили так, будто Иосиф выиграл в карты 70 рублей. А дальше было все просто. Джугашвили переделся в женское платье, проделал на лодке 16 километров по реке Вычегде до ближайшей железнодорожной станции – города Котласа. 16 километров вниз по течению – это вообще несерьезно. Легкая прогулка. Помогавшие ему ребята потом с успехом догрябали обратно до того, как их хватились. 26 июня 1909 года Джугашвили оказался в Петербурге, где встретился со старым другом Сергеем Аллилуевым, определившим его на квартиру.

⁹ Савинков попал в ссылку за принадлежность к социал-демократической организации «Рабочее знамя». Членом партии эсеров и террористом он стал уже после побега.

¹⁰ Дом, где жил Сталин, сохранился до наших дней.

В столице у Иосифа дел не было, и он отправился в Баку. Обстановка там была не слишком веселая. Как, впрочем, и по всей Российской империи. Дело даже не в том, что жандармы неплохо работали.

Поражение революции породили не только у революционеров, но и разного рода «прогрессивной общественности» усталость и пессимизм. Лучше всего эти настроения отражает стихотворение «Отбой» поэта-сатирика Саша Черного, написанное как раз в 1909 году.

По притихшим редакциям,
По растерзанным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несется испуганный вой:
Отбой, отбой,
Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Однако Коба был человеком совсем иного склада – из тех, кто никогда не сдаётся. Приходится начинать все с начала? Делов-то. Будем начинать. Он с ходу принялся за дело – и благодаря его усилиям Бакинское отделение РСДРП стало одной из немногих в России реально действующих организаций. Он же возродил издание газеты «Бакинский пролетарий».

По некоторым сведениям Иосиф кроме всего прочего занимался и партийной контрразведкой. По крайней мере, в местной охранке у него был свой человек. Причем не кто-нибудь, а помощник начальника Охранного отделения ротмистр Зайцев. История умалчивает, по какой причине его высокоблагородие¹¹ работал на революционеров. На тот момент больших денег у эсдеков не имелось – многочисленные «спонсоры», помогавшие революционерам в 1903–1905 годах, теперь помощь прекратили. Но... Кто его знает.

«Странно – не все товарищи догадывались о том, что РСДРП имеет в охранном отделении своего человека, так что Иосифу приходилось изобретать совершенно невероятные обоснования того, откуда у него информация. Обоснования иной раз были откровенно поэтические. Как-то он рассказал, что его остановил на улице некий человек, сказав: „Я знаю, что вы социал-демократ“, – и сунул в руку список из 36 имен людей, которых полиция предполагала арестовать. Эта романтическая история была поведена комитету, и комитет ей вроде бы даже поверил, хотя совершенно ясно, что сведения Коба получил далеко не от „неизвестного“».

(Елена Прудникова)

Однако Коба занимался не только текучкой, но общепартийной политикой. Его не устраивала сложившаяся в РСДРП ситуация. В самом деле, партией руководили люди, сидевшие за границей. Точнее – «руководили». Потому что они погрязли в собственных разборках. После разделения на большевиков и меньшевиков в обеих фракциях возникли внутренние течения. Так, у большевиков появились леваки – «отзовисты» и «ультиматисты». Разница между ними нам не слишком интересна. Главное – эти ребята предлагали свернуть легальную деятельность, отозвать своих депутатов из Государственной Думы – и полностью сосредоточиться на подпольной борьбе. Ленин с ними увлеченно боролся – и все были при деле.

¹¹ Согласно Табели о рангах, к лицам, имевшим чин VI–VIII классов, надо было обращаться именно так. Ротмистр относился к VIII классу.

Но если присмотреться? Государственная Дума была фактически бесправна и не оказывала никакого реального влияния на политику государства. Да и в ней депутатов-большевиков было ничтожно мало. Так что все подобные споры просто-напросто не имели смысла. Но эмигранты этого не понимали. Хотя, с другой стороны – а что им еще оставалось? Трудно всерьез руководить подпольной организацией «из швейцарского далека».

Иосиф опубликовал в «Бакинском пролетарии» одну из самых своих значительных дореволюционных работ: «Партийный кризис и наши задачи». Начинается статья с констатации очевидного факта: «Ни для кого не тайна, что партия наша переживает тяжелый кризис. Уход членов из партии, сокращение и слабость организаций, оторванность последних друг от друга, отсутствие объединенной партийной работы, – все это говорит о том, что партия больна, что она переживает серьезный кризис.

Первое, что особенно угнетает партию, – это оторванность ее организаций от широких масс. Было время, когда наши организации насчитывали в своих рядах тысячи, а вели за собой сотни тысяч. Тогда партия имела прочные корни в массах. Теперь не то. Вместо тысяч в организациях остались десятки, в лучшем случае, сотни. Что же касается руководства сотнями тысяч, то об этом не стоит и говорить».

А вот далее начинаются серьезные «заявки»: «Существующие заграничные органы „Пролетарий“ и „Голос“, с одной стороны, „Социал-демократ“, с другой, не связывают и не могут связать рассеянных по России организаций, не могут дать им единую партийную жизнь. Да и странно было бы думать, что заграничные органы, стоящие вдали от русской действительности, смогут связать воедино работу партии, давно уже прошедшей стадию кружковщины».

«Нет сомнения, что освобождение партии от ненужных гостей и сосредоточение функций в руках самих же рабочих во многом помогло бы делу обновления партии. И не менее ясно и то, что одна только „передача функций“ при старой системе организации, при старых способах партийной работы, при „руководстве“ из-за границы не сможет связать партию с массой и спаять ее в единое целое».

«Следовательно, конференции и заграничные органы, весьма важные для связывания партии, недостаточны, однако, для разрешения кризиса, для прочного объединения местных организаций».

И, наконец, ударный вывод (выделено мной. – А. Щ.): «Общерусская газета могла бы явиться именно таким центром, центром, руководящим партийной работой, объединяющим и направляющим ее. Но чтобы она могла действительно руководить работой, для этого необходимо, чтобы к ней систематически притекали с мест запросы, заявления, письма, корреспонденции, жалобы, протесты, планы работы, вопросы, волнующие массы, и т. д.; чтобы между газетой и местами существовала самая тесная связь, самые прочные нити; чтобы газета, располагая, таким образом, достаточным количеством материала, могла своевременно заметить, затронуть и осветить необходимые вопросы, выжать из материала необходимые указания, лозунги и сделать их достоянием всей партии, всех своих организаций...

Без таких условий нет руководства партийной работой, без руководства работой – нет прочного связывания организаций в одно целое!

Вот почему мы подчеркиваем необходимость именно **общерусской (а не заграничной)** и именно **руководящей (а не просто популярной)** газеты».

Смысл написанного человеку, вращавшемуся в партийной и околопартийной среде, был понятен. Это был откровенный «наезд» на эмигрантов. Дескать, вы там сидите и ни фига не делаете. А руководить российской партией нужно из России!

По большому счету эта статья была критикой Ленина. Ильич на такое дело не обиделся и горячо поддержал позицию Джугашвили. Однако среди эмигрантов начались очередные склоки, и дело издания российской газеты надолго застопорилось.

А тут Кобу снова забрали. И – всего лишь отправили в Сольвычегодск досиживать ссылку. Трудно сомневаться, что об этом позаботился ротмистр Зайцев. В самом деле – человек бегаёт из ссылок как хочет, а власти делают вид, что так и надо.

На этот раз для разнообразия Джугашвили досидел в ссылке оставшиеся полгода, так что он вышел на свободу если не с чистой совестью, то с чистыми документами.

Бывшим ссыльным нельзя было селиться в крупных городах, и Иосиф добросовестно засел в Вологде. Судя по всему, ему надоело быть на побегушках, он уже осознал себе цену.

В редакцию «Рабочей газеты» Джугашвили пишет: «... Не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но буду работать лишь в Питере или Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет – я в этом уверен – слишком малопродуктивной».

То есть он попросту требует предоставить ему ту работу, которая ему нравится.

Кобе предложили стать разъездным агентом ЦК. Он отправляется в Питер и тут же попадает – бывшим ссыльным было запрещено въезжать в столицу. Причем попался как-то очень дешево. Жандармы предложили ему уехать в Вологду обратно. Возможно, он сознательно подставился. Складывается впечатление, что Коба просто тянул время, выжидая прояснения ситуации. А точнее – объявил «итальянскую забастовку»¹². В конце концов, он требовал создания российской газеты. Где газета? Газеты нету. Эмигранты все никак не могут наругаться. Ну, и пошли вы... Вологда – очень хороший город. Можно и там посидеть.

От Джугашвили к Сталину

В 1912 году наконец-то появляется знаменитая газета «Правда». Российская и легальная. Примечательно, что против этого сильно выступал Троцкий. Он утверждал: газета с таким названием уже имеется. (Троцкий, напомним, как раз являлся ее редактором.) Но на его вопли внимания не обратили. Был обновлен и состав ЦК. В него вошли Иосиф Джугашвили и двое его друзей – Григорий (Серго) Орджоникидзе и Сурен Спандарян. Последний не слишком известен ввиду своей ранней смерти (он умер в 1916 году от туберкулеза), но, по оценке Ленина, «работник был очень ценный и видный». Было заново сформировано Русское бюро ЦК (оно существовало и раньше, но фактически не работало). В него также вошла перечисленная тройка. То есть Коба выбился в партийное руководство.

Дальше началась партийная деятельность, связанная с многочисленными поездками по стране и по подготовке к выходу «Правды». Но увидеть результат своих трудов Кобе не довелось. 5 мая 1912 года, в день выхода первого номера газеты, его снова арестовали. На этот раз жандармам надоело возиться с Иосифом – его решили законопатить на три года в Нарымский край. Только ничего из этого не вышло. Коба пробыл в ссылке... 38 дней. Затем вернулся к текущим делам. То есть он сотрудничал в «Правде», находясь в подполье.

«... И снова он мотается по стране. Кавказ, где Камо предпринял попытку нового „экса“ – деньги были нужны отчаянно, но „экс“ провалился, не повезло... Затем Питер – там была грандиозная политическая стачка, связанная с выборами в Думу, как же в таком деле без него обойдется? А осенью он отправился за границу, в Краков, на совещание рабочих депутатов с Лениным и Зиновьевым, и через месяц еще раз туда же, на партийное совещание, на котором он снова вошел в члены ЦК и в его Русское Бюро. Теперь их было четверо цекистов в России: двое революционеров – он и Андрей Уральский (псевдоним Якова Свердлова) и два депутата: Петровский и Малиновский.

¹² Итальянская забастовка – это когда рабочие начинают работать, строго соблюдая все правила и инструкции. Обычно после этого трудовой процесс замирает.

Так Иосиф стал одним из двоих главных людей партии большевиков внутри страны, и ему даже назначили содержание, несмотря на то что с деньгами у партии было совсем плохо».

(Елена Прудникова)

Кобе была назначена зарплата в 60 рублей в месяц.

За границей Иосифу пришлось задержаться. Ленин поручил ему написать статью о национальном вопросе. Так родилась работа «Марксизм и национальный вопрос». Сам Коба относился к этому занятию без особого почтения. Он писал Малиновскому из Вены: «Сижу в Вене и пишу всякую ерунду».

Однако не все так просто. Прежде всего, эта статья знаменательна тем, что впервые под ней появилась подпись «**Сталин**». (Точнее – «К. Сталин».) Но интересно и ее содержание.

Статья понадобилась Ленину для того, «чтобы было». Большевиков нередко спрашивали, особенно за границей: а каково ваше отношение к национальному вопросу? А тем и сказать-то нечего. Самому Ленину, видимо, писать не хотелось, вот и поручил товарищу. Тем более что статья направлена против Бунда, который уже стал к этому времени откровенно националистической организацией. Прошелся Сталин (уж теперь можно его называть и так) и по грузинским меньшевикам, у которых тоже усиливались националистические припадки.

Но главное – в статье высказан ряд идей, которые станут заметны в более поздние времена.

Сталин явно не любил сепаратистов. И это видно за марксистской риторикой. «То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое свое национальное учреждение, и вредное, и полезное, – никто не может (не имеет нрава!) насильственно вмешиваться в жизнь наций. **Но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций** (выделено мной. – *А. Щ.*). Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то и другое, не идя вразрез с правами этих наций, идет, однако, вразрез „с точным смыслом“ программы, т. е. с интересами кавказского пролетариата».

Это означает – пока ваш местечковый национализм нам не мешает, мы его терпим. А если мешает – тогда извините...

И эти идеи большевики реализовывали. Ведь что получилось в Гражданскую войну? Украина провозгласила свою независимость. А большевики эту самую независимость аж два раза ликвидировали. Потому что без украинского хлеба было тяжело. То же самое и с «незалежниками» Закавказья. Без нефти тоже жизнь плохая. Можно вспомнить и то, что проект СССР, выдвинутый Сталиным, предполагал гораздо меньше прав для национальных республик, чем реализованный в итоге.

Во время написания статьи Сталин второй раз встретился с Троцким. Дело было так. Троцкий заглянул в гости к своему приятелю – депутату Госдумы Скобелеву. Как и положено русским интеллигентам, они сидели за самоваром и чесали языки на политические вопросы. Внезапно растворилась дверь в соседнюю комнату, оттуда вышел некто угрюмый и усатый. Молча налил себе чаю и удалился. Не поздоровался, не представился... Вот уж невежа. Хотя понятно, что занятый работой Сталин очень не хотел, чтобы его втянули в разговор. Тем более что Троцкого он уже неоднократно критиковал в печати – и считал пустобрехом. А вдруг он полезет спорить? Оно надо?

После возвращения в Россию Сталин совершил большую ошибку. Она была связана с депутатом Государственной Думы и членом ЦК РСДРП Романом Малиновским.

Об этом человеке стоит рассказать поподробнее – тем более что он сыграл заметную роль в судьбе Сталина.

Роман Вацлавович Малиновский имел веселую биографию. Начал он свою трудовую жизнь как рабочий-токарь, однако быстро переключился на кражи со взломом и три раза за это арестовывался. Потом воровать ему надоело – он сблизился с социал-демократами (меньшевиками) и даже стал секретарем профсоюза рабочих-металлистов. После очередного ареста он стал сотрудничать с охранкой. Работники спецслужб «почистили» биографию своего агента, убрав все сведения о его уголовном прошлом. В 1912 году Малиновский переметнулся к большевикам и быстро втерся к ним в доверие и даже попал в ЦК. По одним сведениям, он очень понравился Ленину. Хотя тот же Ленин предлагал не выдвигать Малиновского в депутаты Государственной Думы. Но, как бы то ни было, его выдвинули и выбрали. Это была самая большая удача охранки в работе против большевиков. Правда, о качестве его труда есть разные мнения. Вот высказывания двух жандармских офицеров.

«Малиновский оказался весьма обстоятельным агентом, его сведения всегда отличались точностью и полнотою, почему, когда он был избран членом Государственной думы, все намерения революционных кругов были известны правительству.

Впоследствии Малиновский продолжал свое тайное сотрудничество с директором Департамента полиции С. П. Белецким, последний, между прочим, дал указания Малиновскому искусственно вызвать между думскими социал-демократами раскол и тем ослабить, при голосованиях, значение фракции социал-демократов, насчитывавшей в своей среде тринадцать человек. Сотрудник это поручение выполнил совершенно незаметно для своих товарищей, которые, может быть, до сего времени не догадывались, что все их распри и последовавший затем раскол фракции на две группы – одна в шесть, а другая в семь человек – были вызваны и проведены изложенным выше путем».

(П. П. Заварзин)

«Малиновский стал членом Государственной думы. Его поведение в Думе, резкие выступления от имени социал-демократической фракции, занятое им де-факто лидерство в этой фракции стали не на шутку смущать правительство. Было очевидно, что Малиновский вырывается из-под опеки Департамента полиции и что конспиративные свидания его с Белецким и Виссарионовым не дают никакого результата».

(А. П. Мартынов)

А потом начались непонятные дела. В 1914 году новый товарищ (заместитель) министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский потребовал удалить из Думы полицейского агента. Мотивы этого не очень понятны.

«Генерал Джунковский, наивный администратор, является, конечно, противником всяких, „каких-то там“ конспирации, „агентуры“, „тонкого“ сыска и пр. Он по-солдатски, по-военному, напрямик, под честное слово сообщает председателю Государственной думы Родзянко о двойной роли Малиновского и обещает ему убрать из Думы этого „provokatora“!»

(А. П. Мартынов)

Так-то оно так, если не вспоминать, что после Октября Джунковский оказался на службе у большевиков, где активно помогал Дзержинскому создавать ВЧК.

Малиновский уехал за границу и ни с охранкой, ни с большевиками больше не сотрудничал. После Февральской революции, когда стали доступны документы Охранного отделения, его роль всплыла. Дальше снова загадка – в 1918 году бывший агент охранки возвратился в РСФСР и сдался новым властям. Зачем – понять невозможно, потому что большевики его с удовольствием расстреляли.

Так вот, в 1913 году в газете «Луч» появилась заметка, автор которой намекал, что Малиновский является полицейским агентом. Сталин, занимавшийся на Кавказе обеспечением безопасности, на этот раз прокололся – он, не жалея сил, бросился защищать депутата. Возможно, причина была в том, что о нем тоже распускали подобные слухи.

Как оказалось, напрасно Сталин его выгораживал. По некоторым сведениям, именно Малиновский и сдал Иосифа Виссарионовича охранке. Сталин отправился на благотворительный бал-маскарад (это был такой способ сбора денег на партийные нужды). Малиновский там присутствовал. Нагрянула полиция – Сталина опознали и арестовали. А Малиновский стал лидером Русского Бюро.

Однако не все оказалось так просто. Возможно, Малиновский, сам того не зная, оказал Сталину большую услугу.

«Ему на север, а мне налево»

«Иудушка Троцкий»

С 1910 года Троцкий стал предпринимать попытки вернуться в российскую политику. Эмигрантскую, разумеется. Ему удалось сколотить небольшую группировку своих сторонников. Из них интересны двое – Карл Радек (Собельсон) и Александра Коллонтай. Радек был талантливым писателем и авантюристом «по жизни».

«Он представлял собой необыкновенную смесь безнравственности, цинизма и стихийной оценки идей, книг, музыки, людей. Точно так же, как есть люди, не различающие цвета, Радек не воспринимал моральные ценности».

(А. И. Балабанова)

Впоследствии, уже в двадцатых годах, Радек прославился в партийных кругах как первый острослов. Так, широко известна его эпиграмма на Клима Ворошилова, который назвал Радека «прихвостнем Троцкого».

Эх, Клим, дурная голова,
Опилками завалена.
Уж лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

При этом Радек был из тех, о ком говорят: «ради красного словца не пожалеет и отца».

«Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это – люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это – люди необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит Радек. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиниться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, когда и что сболтнет язык».

(И. В. Сталин)

Александра Коллонтай впоследствии прославилась как первая в мире женщина-посол, а также своей теорией «революционной» свободной любви, которая очень напоминает идеологию «сексуальной революции» шестидесятых годов XX века¹³.

Оба, как и сам Троцкий принадлежали к тем, кого можно назвать революционной богемой. То есть им больше была интересна тусовка, нежели реальная деятельность.

Лев Давидович снова попытался объединить РСДРП вокруг себя, выдвинув идею «центризма». Ленин на этот счет писал так: «Надеюсь, убедились... что Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер типа Рязанова и К^о? Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров».

Правда, в редакцию газеты РСДРП «Социал-демократ» Троцкому пролезть так и не удалось.

Тем временем конфликт между большевиками и меньшевиками после некоторого затишья вновь стал разгораться.

¹³ Теория Коллонтай, как и идеологи сексуальной революции, видела в свободной любви преодоление «буржуазных стереотипов».

«Троцкий и подобные ему „троцкисты и соглашатели“ вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы¹⁴ прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него».

(В. И. Ленин)

Лев Давидович не остался в долгу. Он писал: «Круг Ленина, который хочет поставить себя над партией, скоро окажется за ее пределами».

Одновременно Троцкий сблизился с крайне левым крылом большевиков, так называемыми отзовистами, издававшими журнал «Вперед!». В частности – с будущим наркомом культуры Анатолием Луначарским. Впрочем, особой принципиальностью он никогда не отличался.

Полемика, как это часто бывает, переросла в ругань. Именно в ходе этих дрызг Ленин употребил фразу, ставшую крылатой: «Иудушка Троцкий». Имеет привести заметку целиком:

«О краске стыда у иудушки Троцкого»

«Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы – обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в „Нашей Заре“ перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка удалил из „Правды“ представителя ЦК и стал писать в „Vorwarts“¹⁵ ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой „Вперед“ в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого».

Кстати, Ленин имел в виду не евангельского Иуду, а героя романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» – Порфирия (Иудушку) Головлева – подлеца и омерзительного лицемера. А вот другое известное выражение: «политическая проститутка Троцкий» – ни Ленин, ни Сталин никогда не употребляли. Это уже фольклор. Точнее, в фильме «Ленин в 1918 году» (1937, режиссер Михаил Ромм) есть фраза Ленина про Каменева и Зиновьева: «Вот полюбуйтеся, товарищ Василий, как эти святоши, эти политические проститутки нас предали. Предали партию, выдали планы ЦК!» Так как Троцкого тогда сильно обличали, в народном сознании это как-то слилось...

Сталин тоже внес свою лепту в свару. В газете «Социал-демократ» от 12 (25) января 1913 года он писал: «Говорят, что Троцкий своей „объединительной“ кампанией внес „новую струю“ в старые „дела“ ликвидаторов. Но это неверно. Несмотря на „геройские“ усилия Троцкого и его „ужасные угрозы“, он оказался в конце концов простым шумливым чемпио-

¹⁴ Ликвидаторы – представители крайне правой фракции меньшевиков, выступавшие за полное прекращение нелегальной деятельности.

¹⁵ «Vorwarts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года. Во время конфликта в РСДРП поддерживала меньшевиков.

ном с фальшивыми мускулами, ибо он за 5 лет „работы“ никого не сумел объединить, кроме ликвидаторов. Новая шумиха – старые дела!»

Образ Сталину понравился – про «фальшивые мускулы» Троцкого он упоминает несколько раз в разных статьях.

Тем временем Троцкий продолжал шуметь и интриговать. В августе он снова попытался собрать вокруг себя партийные массы, устроив в Вене конференцию РСДРП. Но опять не сложилось. Народ-то съехался – но все-таки вес сборища оказался маловат. Так что посидели, поговорили...

Зато продолжались «наезды» на Ленина.

«Стихийная тяга рабочих к единству так непреодолима, что Ленину приходится систематически играть в прятки с читателями, говорить о единстве снизу, проводя раскол сверху, представлять под кружковые и фракционные определения понятия классовой борьбы. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение – именно в линии вопроса, единство или раскол».

То есть, когда впоследствии Троцкий объявлял себя самым верным ленинцем, он просто нагло врал...

В 1912 году Троцкий в качестве военного корреспондента от ряда газет побывал на двух Балканских войнах. Правда, корреспондентом он оказался своеобразным. Как и впоследствии, на Первой мировой. Он ни в коем случае не был похож на таких людей, как Константин Симонов или Аркадий Гайдар, которые «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом». Так вот, к передовой он за три войны не приближался **ни разу**. Даже такой апологет Троцкого, как Исаак Дейчер, признает, что Лев Давидович во время своих корреспондентских поездок ни разу не видел окопа. Он вообще к передовой не подходил. Троцкий просто-напросто пересказывал в своих статьях чужие рассказы. В военных корреспонденциях Льва Давидовича было очень много пафоса и очень мало фактов.

Так получалось вовсе не потому, что Лев Давидович был трусом. Как мы увидим дальше, человеком он был достаточно смелым. Но зачем журналисты лезут под пули? Чтобы узнать конкретику. А вот она-то Троцкого никогда не волновала. Ему были ближе общие рассуждения.

Впрочем, это было неважно. К тому, что Троцкого послали на войну, явно был причастен старый друг Парвус. Последний после 1906 года занимался тем, что продавал оружие Османской империи, на чем сделал хороший гешефт. Разумеется, Парвусу были нужны протурецкие статьи. (Первую Балканскую войну вели Болгария, Греция, Сербия и Черногория против Османской империи. Во Второй Болгария схлестнулась со вчерашними союзниками – Черногорией, Сербией и Грецией, позже против болгар выступила и Турция.) Троцкий добросовестно выполнял то, что от него требовалось. Он заявлял: «Я открыл в своих статьях борьбу против лжи славянофильства». Впрочем, такая позиция соответствовала и интересам Австро-Венгрии, в столице которой он жил.

«И вот сижу я в Туруханском крае»¹⁶

Предреволюционные годы складывались для Сталина и Троцкого очень-по-разному. Кобу снова арестовали. На этот раз власти решили законопатить Сталина всерьез. Его отправили на четыре года в ссылку в Туруханский край (ныне – северная часть Красноярского края). Несколько раньше туда же отправился другой член Русского Бюро – Яков Свердлов.

¹⁶ Юз Алешковский.

«...Туруханский край огромен и дик. Начинаясь в 400 верстах от Енисейска, он тянется до самого Ледовитого океана: бескрайняя тайга, а к северу – столь же бескрайняя тундра. На сотни и сотни километров нет ни дорог, ни людей. Лишь по берегам Енисея лепятся деревушки, которые здесь называют станками. В относительно обжитых местах в станках дворов по двадцать-тридцать, а на севере – и вовсе два-три двора.

Полторы недели добирались из Петербурга в Красноярск. На то, чтобы преодолеть остальные полторы тысячи километров до села Монастырского (сейчас – город Туруханск. – *А. Ш*), „столицы“ Туруханского края, ушел месяц. Прибыли они 10 августа, Иосиф представился приставу Кибирову, главному начальнику над ссыльными. Пристав был переведен сюда из Баку в наказание за какую-то провинность. Весь край – тюрьма, только очень большая. Другой дороги, кроме как по воде, здесь не было, на берегах – кордоны: бывалый таежник, конечно, их обойдет, но не горожанин. Не убежишь.

Настроение у Иосифа было – хуже некуда. Мрачный, подавленный, потерянный, он не хотел ни с кем разговаривать и никого видеть. Ссыльные ждали его с нетерпением, приготовили комнату, даже какие-то вкусности раздобыли, чтобы поторжественнее встретить человека с Большой земли. Ждали от него сообщения о положении дел в России, как было принято у ссыльных. Но Иосиф приехал, прошел в свою комнату и больше не показывался. Доклада о положении в России он не сделал, да и вообще почти ни с кем не разговаривал. Товарищи по ссылке на него обиделись – в замкнутых сообществах вообще люди обидчивы».

(Елена Прудникова)

Сталин понимал, что шансов вернуться у него немного. Южанин, к тому же больной туберкулезом... Из письма Зиновьеву: «Я, как видите, в Туруханске. Получили ли письмо с дороги? Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег. Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедленно.»

Первоначально Сталин оказался в деревне Костино, расположенной на Енисее. Не самый крайний Север, но тоже не Сочи. Вот что писал Коба знакомому нам Малиновскому: «Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и на одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии... У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе – и к Петровскому, и к Бадаеву. Моя просьба состоит в том, что если у социал-демократической фракции до сих пор остается „Фонд репрессированных“, пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы рублей в 60».

Малиновский помог... Он сообщил по начальству, что ссыльные готовят побег. (Они и в самом деле его готовили.) В итоге Сталин и Свердлов были переведены в станок (поселок) Курейка, находившийся почти на линии Полярного круга. Этот могучий населенный пункт состоял из восьми домов, и жило в них 68 человек.

Со Свердловым Сталин не ужился. Первый любил поговорить, а Коба попусту болтать очень не любил. А вот с местными жителями – вполне нашел общий язык.

«Он научился ловить рыбу, летом заготавливал ее впрок, зимой у него в проруби всегда стояла снасть. Ходил на охоту, несмотря на то, что ссыльным запрещалось иметь оружие, а как жить? Соседи оставляли ему ружье в условленном месте в лесу, Иосиф шел в тайгу с пустыми руками, на виду у стражника, а там забирал оружие. Стрелял песца, бил птицу. Так он кормился. Пособия на все не хватало, а без книг и газет он жить не мог».

(Елена Прудникова)

Стоит упомянуть историю, которую в «перестройку» любили обсасывать наши правдорубы. В Курейке Сталин жил с пятнадцатилетней местной девушкой Лидой, которая родила потом двух детей (один вскоре умер). О! Малолеток совращал, гад такой! Хотя вообще-то по тогдашним крестьянским меркам, 15 лет – это уже совсем не малолетка. Тем более что первый ребенок родился у нее до приезда Сталина в Курейку. То есть девушка была не самая целомудренная. Но главное-то в чем? В Сибири живут суровые люди. А в такой глухомани всегда очень четко знают, что хорошо, а что плохо. Если бы Сталин поступил не «по понятиям» – его мужики быстро бы отправили в Енисей заниматься подледным плаванием. А если не отправили – значит, никаких местных представлений он не нарушал.

В Курейке случился еще один очень важный эпизод. Как-то Сталин отправился на реку проверять сети к дальней проруби. А тут поднялась пурга. Настоящая, северная, при которой уже в полуметре ничего не видно. Ширина Енисея в тех местах – около трех километров. То есть заблудиться в пургу несложно. Вот Сталин и заблудился. Плутал он долго и почти выбился из сил. И когда уже казалось – осталось только замерзнуть, он услышал лай собак... После этой прогулки Коба проспал восемнадцать часов. А потом... Оказалось, что туберкулезный процесс прекратился. Он выздоровел! Никакого чуда тут нет, в медицине подобные случаи известны. Предельное напряжение сил пробудило какие-то скрытые резервы организма. Вот это я и имел в виду, когда писал, что Малиновский, сам того не ведая, помог Сталину. Ведь туберкулез лечить тогда не умели. Количество революционеров, умерших от этой болезни, исчисляется десятками. Да и не только революционеров. От «чахотки» умер великий князь, брат Николая II, Георгий Александрович. Кстати, самый толковый из великих князей. Даже его вылечить не смогли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.